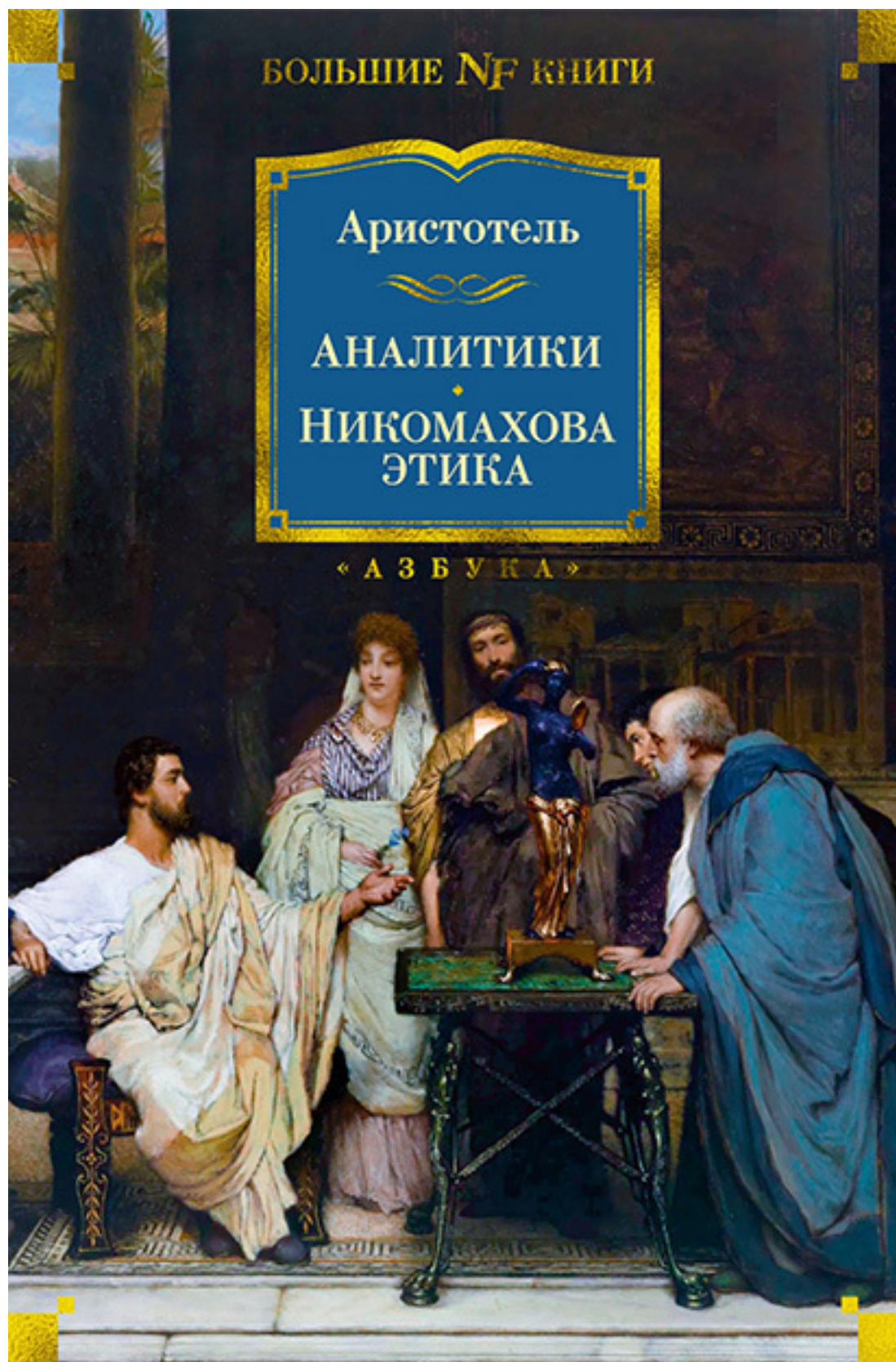

БОЛЬШИЕ № книги

Аристотель
АНАЛИТИКИ
•
НИКОМАХОВА
ЭТИКА

«АЗБУКА»

Non-Fiction. Большие книги

Аристотель

Аналитики. Никомахова этика

«Азбука-Аттикус»

УДК 11+16+17
ББК 87.2+87.4+87.7

Аристотель

Аналитики. Никомахова этика / Аристотель — «Азбука-Аттикус», — (Non-Fiction. Большие книги)

ISBN 978-5-389-24695-9

Аристотель — один из величайших мыслителей древности, ученик Платона и воспитатель Александра Македонского, обобщивший в своих трудах опыт классической эпохи древнегреческой философии и оказавший огромное влияние на развитие европейской и мировой культуры, ученый-энциклопедист, стоявший у истоков современной науки. Аристотель разработал одну из первых универсальных моделей мироздания и целостную систему научных знаний, охватывающую самые разные сферы человеческой жизни, очертил круг понятий и ввел терминологию, которые до сих пор используются в философском лексиконе и во многом определяют ориентиры и горизонты современного научного мышления. В издание вошли важнейшие логические трактаты Аристотеля, составившие «Органон» («Категории», первая и вторая «Аналитики», «Об истолковании» и др.), а также «Никомахова этика», трактат, обращенный к проблемам нравственности, в котором философ ставит и всесторонне анализирует важнейшие вопросы человеческого бытия: что есть благо, счастье и справедливость? Кроме того, в книгу включена «Физика» — фундаментальный трактат Аристотеля, который служит своего рода введением ко всем прочим естественно-научным сочинениям мыслителя, включая те из них, которые сегодня мы относим к области биологии и психологии. Аристотелевская «Физика» имеет мало общего с наукой, которая именуется физикой в наше время, тем не менее этот трактат и поныне считается одним из высших достижений человеческой мысли применительно к науке о природе. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 11+16+17

ББК 87.2+87.4+87.7

ISBN 978-5-389-24695-9

© Аристотель
© Азбука-Аттикус

Содержание

Категории	7
Глава первая	7
Глава вторая	8
Глава третья	9
Глава четвертая	10
Глава пятая	11
Глава шестая	15
Глава седьмая	18
Глава восьмая	22
Глава девятая	26
Глава десятая	27
Глава одиннадцатая	31
Глава двенадцатая	32
Глава тринадцатая	33
Глава четырнадцатая	34
Глава пятнадцатая	35
Об истолковании	36
Глава первая	36
Глава вторая	37
Глава третья	38
Глава четвертая	39
Глава пятая	40
Глава шестая	41
Глава седьмая	42
Глава восьмая	43
Глава девятая	44
Глава десятая	46
Глава одиннадцатая	48
Глава двенадцатая	50
Глава тринадцатая	52
Глава четырнадцатая	54
Первая аналитика	56
Книга первая	56
Глава первая	56
Глава вторая	57
Глава третья	57
Глава четвертая	58
Глава пятая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Аристотель

Аналитики. Никомахова этика

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

* * *

Категории

Глава первая

[Одноименное, соименное, отыменное]

Одноименными называются те предметы, у которых только имя общее, а соответствующая этому имени речь о сущности (*logos tes ousias*) разная, как, например, *dzōon* означает и человека, и изображение. Ведь у них только имя общее, а соответствующая этому имени речь о сущности разная, ибо если указывать, что́ значит для каждого из них быть *dzōon*, то [в том и другом случае] будет указано особое понятие (*logos*).

Соименными называются те предметы, у которых и имя общее, и соответствующая этому имени речь о сущности одна и та же, как, например, «живое существо» (*dzōon*) – это и человек, и бык. В самом деле, и человек, и бык называются общим именем «живое существо», и речь о сущности [их] одна и та же. Ведь если указывать понятие того и другого, что́ значит для каждого из них быть *dzōon*, то будет указано одно и то же понятие.

Наконец, отыменными называются предметы, которые получают наименование от чего-то в соответствии с его именем, отличаясь при этом окончанием слова, как, например, от «грамматики» – «грамматик», от «мужества» – «мужественный».

Глава вторая

[Сказываемое о предмете и находящееся в предмете]

Из того, что говорится, одно говорится в связи, другое – без связи. Одно в связи, например: «человек бежит», «человек побеждает»; другое без связи, например: «человек», «бык», «бежит», «побеждает».

Из существующего одно говорится о каком-нибудь подлежащем, но не находится ни в каком подлежащем, например человек; о подлежащем – отдельном человеке говорится как о человеке, но человек не находится ни в каком подлежащем; другое находится в подлежащем, но не говорится ни о каком подлежащем (я называю находящимся в подлежащем то, что, не будучи частью, не может существовать отдельно от того, в чем оно находится); например, определенное умение читать и писать находится в подлежащем – в душе, но ни о каком подлежащем не говорится как об определенном умении читать и писать. И определенное белое находится в подлежащем – в теле (ибо всякий цвет – в теле), но ни о каком подлежащем не говорится как об определенном белом. А иное и говорится о подлежащем, и находится в подлежащем, как, например, знание находится в подлежащем – в душе – и о подлежащем – умении читать и писать – говорится как о знании. Наконец, иное не находится в подлежащем и не говорится о каком-либо подлежащем, например отдельный человек и отдельная лошадь. Ни то ни другое не находится в подлежащем и не говорится о подлежащем. И вообще все единичное и все, что одно по числу, не говорится ни о каком подлежащем, однако ничто не мешает чему-то такому находиться в подлежащем. В самом деле, определенное умение читать и писать принадлежит к тому, что находится в подлежащем, [но ни о каком подлежащем не говорится как об определенном умении читать и писать].

Глава третья

[Род как сказуемое. Видовые отличия]

Когда одно сказывается о другом как о подлежащем, все, что говорится о сказуемом, применимо и к подлежащему, например: «человек» сказывается об отдельном человеке, а «живое существо» – о «человеке»; следовательно, «живое существо» будет сказываться и об отдельном человеке: ведь отдельный человек есть и человек, и живое существо.

У вещей, относящихся к разным и не подчиненным друг другу родам, различны и их видовые отличия, например у живого существа и у знания. Видовые отличия у живого существа – это «живущее на суше», «двуногое», «крылатое» и «обитающее в воде», но ни одно из них не есть видовое отличие у знания: ведь одно знание отличается от другого не тем, что оно двуногое. Однако же никто не мешает, чтобы в пределах подчиненных друг другу родов видовые отличия были одними и теми же: ведь высшие роды сказываются о подчиненных им, а потому сколько видовых отличий имеется у сказуемого, столько же будет иметься и у подлежащего.

Глава четвертая

[Десять категорий]

Из сказанного без какой-либо связи каждое означает или сущность, или «сколько», или «какое», или «по отношению к чему-то», или «где», или «когда», или «находиться в каком-то положении», или «обладать», или «действовать», или «претерпевать». Сущность, коротко говоря, – это, например, человек, лошадь; «сколько» – это, например, длиною в два локтя, в три локтя; «какое» – например, белое, умеющее читать и писать; «по отношению к чему-то» – например, двойное, половинное, большее; «где» – например, в Ликее, на площади; «когда» – например, вчера, в прошлом году; «находиться в каком-то положении» – например, лежит, сидит; «обладать» – например, обут, вооружен; «действовать» – например, режет, жжет; «претерпевать» – например, его режут, жгут. Каждое из перечисленного само по себе не содержит никакого утверждения; утверждение или отрицание получается сочетанием их: ведь всякое утверждение или отрицание, надо полагать, или истинно, или ложно; а из сказанного без какой-либо связи ничто не истинно и не ложно, например «человек», «белое», «бежит», «побеждает».

Глава пятая [Сущность]

Сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле, – это та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь. А вторыми сущностями называются те, к которым как к видам принадлежат сущности, называемые так в первичном смысле, – и эти виды, и их роды; например, отдельный человек принадлежит к виду «человек», а род для этого вида – «живое существо». Поэтому о них говорят как о вторых сущностях, например «человек» и «живое существо».

Из сказанного очевидно, что у того, что говорится о подлежащем, необходимо сказывается о подлежащем и имя, и понятие; так, например, человек сказывается о подлежащем – об отдельном человеке – и о нем, конечно, сказывается имя [человека]: ведь отдельного человека назовешь человеком и определение человека будет сказываться об отдельном человеке, ведь отдельный человек есть и человек, и живое существо. Таким образом, и имя, и определение будут сказываться о подлежащем. Напротив, у того, что находится в подлежащем, в большинстве случаев ни имя, ни определение не сказываются о подлежащем; в некоторых же случаях ничто не мешает, чтобы имя иногда сказывалось о подлежащем, но определение не может сказываться о нем. Так, белое, находясь в теле как в подлежащем, сказывается о подлежащем (ведь тело называется белым), но понятие белого никогда не может сказываться о теле. А все другое [помимо первых сущностей] или говорится о первых сущностях как о подлежащих, или же находится в них как в подлежащих. Это становится ясным, если брать отдельные случаи: живое существо, например, сказывается о человеке, поэтому оно будет сказываться и об отдельном человеке; ведь если бы оно не сказывалось ни об одном из отдельных людей, оно не сказывалось бы и о человеке вообще. Далее, цвет находится в теле; стало быть, и в отдельном теле. Если бы он не находился ни в одном из отдельных тел, он не находился бы и в теле вообще. Таким образом, все другое [помимо первых сущностей] или говорится о первых сущностях как о подлежащих, или же находится в них как в подлежащих. Поэтому, если бы не существовало первых сущностей, не могло бы существовать и ничего другого.

Из вторых сущностей вид в большей мере сущность, чем род, ибо он ближе к первой сущности. В самом деле, если станут объяснять, что такое первая сущность, то ее объяснят доступнее и более подходяще, указывая вид, чем указывая род; так, указывая отдельного человека, укажут понятнее, указывая, что он человек, нежели указывая, что он живое существо; первое более свойственно для отдельного человека, второе более обще; и, указывая отдельное дерево, мы укажем понятнее, указывая, что оно дерево, нежели указывая, что оно растение. Далее, сущностями называются прежде всего первые сущности, потому что для всего остального они подлежащие и все остальное сказывается о них или находится в них. И так же как первые сущности относятся ко всему остальному, так и вид относится к роду, а именно: вид есть подлежащее для рода, ведь роды сказываются о видах, виды же не сказываются о родах. Значит, еще и по этой причине вид есть в большей мере сущность, чем род. Что касается самих видов, то, поскольку они не роды, один вид не в большей мере сущность, чем другой: [твое определение] несколько не будет более подходящим, если ты для отдельного человека укажешь «человек», чем если для отдельной лошади укажешь «лошадь». Точно так же одна первая сущность не в большей мере сущность, чем другая. Ведь отдельный человек есть сущность несколько не в большей мере, чем отдельный бык.

Вполне естественно, что после первых сущностей из всего прочего одни только виды и роды называются вторыми сущностями: из всего, что сказывается, только они выявляют первую сущность. В самом деле, если кто-нибудь станет объяснять, что такое отдельный чело-

век, то он подходящим образом объяснит его, указывая его вид или род, притом он сделает это понятнее, указывая, что он человек, нежели что он живое существо. Какое-либо другое указание будет неподобающим, например, если указывать, что он бледен, или бежит, или что бы то ни было подобное. Потому вполне естественно, что из всего другого [помимо первых сущностей] только роды и виды называются сущностями. Далее, первые сущности, ввиду того что они подлежащие для всего другого, называются сущностями в самом основном смысле. И как первые сущности относятся ко всему другому, так же ко всему остальному относятся виды и роды первых сущностей: ведь о них сказывается все остальное. В самом деле, отдельного человека можешь назвать умеющим читать и писать; значит, так можешь назвать и человека, и живое существо. И таким же образом обстоит дело и во всех других случаях.

Общая черта всякой сущности – не находиться в подлежащем. В самом деле, первая сущность не находится в подлежащем и не говорится о подлежащем. Что касается вторых сущностей, то из следующего очевидно, что они не находятся в подлежащем; ведь о подлежащем – об отдельном человеке говорится как о человеке, но «человек» не находится в подлежащем, ибо «человек» не находится в отдельном человеке. Точно так же о подлежащем – об отдельном человеке говорится как о живом существе, но «живое существо» не находится в отдельном человеке. И далее, если нечто находится в подлежащем, то ничто не мешает, чтобы его имя иногда сказывалось о подлежащем, но определение не может сказываться о нем. Что же касается вторых сущностей, то о подлежащем сказываются и их определение, и их имя: ведь определение человека применимо к отдельному человеку и определение живого существа – точно так же. Поэтому сущность не принадлежит к тому, что находится в подлежащем. Это, однако, не есть особенность сущности, ведь и видовое отличие принадлежит к тому, что не находится в подлежащем. В самом деле, о подлежащем – о человеке говорится как о живущем на суше и как о двуногом, но они не находятся в подлежащем: «двуногое» или «живущее на суше» не находится в человеке. Равным образом и определение видового отличия сказывается обо всем, к чему применимо [само] видовое отличие; например, если «живущее на суше» говорят применительно к человеку, то и определение «живущего на суше» может сказываться о нем, ведь человек есть то, что живет на суше.

И пусть нас не смущает то, что части сущностей находятся в целых как в подлежащих, чтобы нам не пришлось когда-нибудь утверждать, что эти части не сущности: ведь о том, что находится в подлежащем, было сказано, что оно находится в нем не так, как части содержатся в каком-нибудь [целом].

Сущностям и видовым отличиям свойственно то, что все [составленное] из них говорится соименно. Все [составленные] из них сказуемые сказываются или о единичном, или о видах. Первая сущность не составляет никакого сказуемого: ведь она не сказывается ни о каком подлежащем. Что же касается вторых сущностей, то вид сказывается о единичном, а род – и о виде, и о единичном. Точно так же и видовые отличия сказываются и о видах, и о единичном. Далее, первые сущности принимают понятие вида и рода, а вид – понятие рода. Ибо все, что говорится о сказуемом, может быть применено и к подлежащему. Таким же образом и виды, и единичное принимают понятие видового отличия. Соименными же были у нас названы те предметы, у которых и имя общее, и понятие одно и то же. Поэтому все [составленное] из сущностей и из видовых отличий говорится соименно.

Всякая сущность, надо полагать, означает определенное нечто. Что касается первых сущностей, то бесспорно и истинно, что каждая из них означает определенное нечто. То, что она выражает, есть нечто единичное и одно по числу. Что же касается вторых сущностей, то из-за формы наименования кажется, будто они в равной степени означают определенное нечто, когда, например, говорят о «человеке» или о «живом существе»; однако это не верно. Скорее они означают некоторое качество, ведь в отличие от первых сущностей подлежащее здесь не нечто одно: о многих говорится, что они люди и живые существа. Однако вторые сущности

означают не просто какое-то качество, как, [например], белое: ведь белое не означает ничего другого, кроме качества. Вид же и род определяют качество сущности: ведь они указывают, какова та или иная сущность. Род при этом определяет нечто большее, чем вид: тот, кто говорит «живое существо», охватывает нечто большее, чем тот, кто говорит «человек».

Сущностям свойственно и то, что им ничего не противоположно; в самом деле, что могло бы быть противоположно первой сущности, например отдельному человеку или отдельному живому существу? Ничто им не противоположно. Равным образом нет ничего противоположного и человеку или живому существу. Однако это не особенность сущности; это встречается и у многого другого, например у количественного. Ведь длине в два локтя или в три локтя нет ничего противоположного, так же и десяти, и [вообще] никакому количеству, разве только если сказать, что «многое» противоположно «малочисленному» или «большое» – «малому». Во всяком случае, ни одному из определенных количеств ничего не противоположно.

Сущность, надо полагать, не допускает большей и меньшей степени. Я этим не хочу сказать, что одна сущность не может быть сущностью в большей или в меньшей мере, чем другая (выше уже было сказано, что это так), а хочу сказать, что о каждой сущности, как таковой, не говорится как о сущности в большей или в меньшей степени. Так, например, если эта вот сущность есть человек, то не будет человеком в большей и в меньшей мере ни сам он по отношению к себе, ни один по отношению к другому. Ведь один человек не в большей мере человек, чем другой, не так, как одно белое в большей и в меньшей степени бело, чем другое, и не так, как одно красивое называется более красивым или менее красивым, чем другое. [В подобных случаях] и об одном и том же можно сказать, что оно по отношению к себе бывает [в разное время] таковым в большей и в меньшей степени; например, тело, будучи белым, в настоящее время называется белым в большей степени, чем прежде, или будучи теплым – в большей и в меньшей степени теплым. Сущность же никак не называется сущностью в большей или в меньшей мере. Ведь и человек не называется в настоящее время в большей мере человеком, чем прежде. И точно так же – ничто другое из того, что есть сущность. Таким образом, сущность не допускает большей и меньшей степени.

Главная особенность сущности – это, надо полагать, то, что, будучи тождественной и одной по числу, она способна принимать противоположности, между тем об остальном, что не есть сущность, сказать такое нельзя, [т. е.] что, будучи одним по числу, оно способно принимать противоположности; так, один и тождественный по числу цвет не может быть белым и черным; равным образом одно и то же действие, одно по числу, не может быть плохим и хорошим. Точно так же у всего другого, что не есть сущность. Сущность же, будучи одной и тождественной по числу, способна принимать противоположности; так, отдельный человек, будучи единым и одним и тем же, иногда бывает бледным, иногда смуглым, а также теплым и холодным, плохим и хорошим. У всего другого этого, по-видимому, нет, разве что кто-нибудь возразит и скажет, что речь и мнение способны принимать противоположности. Ведь одна и та же речь кажется истинной и ложной; например, если истинна речь: «он сидит», то, когда он встанет, эта же речь будет ложной. То же самое и в отношении мнения: если правильно полагают, что такой-то человек сидит, то, когда он встанет, будет уже неправильно придерживаться этого мнения о нем. Однако если и согласиться с этим, то все же имеется различие в способе, [каким здесь и там принимаются противоположности]. В самом деле, сущности принимают противоположности, меняясь сами. Ведь, став холодной из теплой, сущность претерпела изменение (ибо она стала иной), и так же – став из бледного смуглым и из плохого хорошим. Точно так же и во всех остальных случаях сущность принимает противоположности, подвергаясь изменению; речь же и мнение, будучи сами во всех отношениях неподвижными, остаются совершенно без изменений, но из-за перемены обстоятельств для них получается противоположное; в самом деле, речь, [например], «он сидит», остается все той же, но в зависимости от происшедшей перемены обстоятельств она называется то истинной, то ложной. То же можно

сказать и о мнении. Так что быть способной принимать противоположности в силу собственной перемены – это особенность сущности, по крайней мере по способу, [каким она их принимает]. Если, таким образом, кто-нибудь согласился бы с тем, что речь и мнение также способны принимать противоположности, то это было бы неверно. Ведь о речи и о мнении говорится как о способных принимать противоположности не потому, что они сами принимают что-то, а потому, что в чем-то другом переменялось состояние: в зависимости от того, происходит ли это или нет, и речь называется истинной или ложной, а не из-за того, что она сама способна принимать противоположности; ведь вообще ни речь, ни мнение нисколько и ничем не приводятся в движение. Поэтому, ввиду того что в них не происходит никакой перемены, они не способны принимать противоположности. О сущности же говорится как о способной принимать противоположности потому, что она сама их принимает: она принимает болезнь и здоровье, бледность и смуглость; поскольку она сама принимает каждую из таких противоположностей, о ней говорится как о способной принимать их. Вот почему особенность сущности – это то, что, будучи тождественной и одной по числу, она способна принимать противоположности в силу собственной перемены. Итак, о сущности пусть будет достаточно сказанного.

Глава шестая [Количество]

Что касается количества, то одно отдельно, другое непрерывно, и одно состоит из частей, имеющих определенное положение по отношению друг к другу, а другое – из частей, не имеющих такого положения. Раздельны, например, число и слово, непрерывны – линия, поверхность, тело, а кроме того, время и место. В самом деле, у частей числа нет никакой общей границы, где соприкасались бы его части; так, например, если пять есть часть десяти, то пять и пять не соприкасаются ни на какой общей границе, а стоят раздельно; также и три и семь не соприкасаются ни на какой общей границе. И вообще у числа нельзя указать общую границу его частей; они всегда стоят раздельно, поэтому число принадлежит к раздельным количествам. И таким же образом и слово принадлежит к раздельным количествам. Что слово есть количество, это ясно: ведь оно измеряется коротким и долгим слогом. А имею я в виду слово, произносимое голосом: ведь его части не соприкасаются ни на какой общей границе, ибо нет такой общей границы, где соприкасались бы слоги, каждый из них стоит раздельно сам по себе.

Линия же непрерывна, ибо можно указать общую границу, где соприкасаются ее части, – точку, а у поверхности – линию: ведь части плоскости соприкасаются на некоторой общей границе. Таким же образом и у тела можно указать общую границу – линию или поверхность, где соприкасаются части тела.

Также и время и место принадлежат к таким количествам: настоящее время соприкасается с прошедшим временем и с будущим. В свою очередь и место принадлежит к непрерывным количествам: ведь части тела, которые соприкасаются на некоторой общей границе, занимают определенное место; стало быть, и части места, которые занимает каждая из частей тела, соприкасаются на той же границе, где соприкасаются и части тела. Поэтому и место, можно сказать, непрерывное количество: ведь его части соприкасаются на одной общей границе.

Далее, одни количества состоят из частей, имеющих определенное положение по отношению друг к другу, а другие – из частей, не имеющих такого положения; так, части линии имеют определенное положение по отношению друг к другу: ведь каждая из них расположена где-то и можно было бы различить и указать, где каждая находится на плоскости и с какой частью из остальных она соприкасается. Точно так же имеют определенное положение и части плоскости: можно точно так же указать, где находится каждая из этих частей и какие части соприкасаются друг с другом. И равным образом – части тела и части места. У числа же нельзя было бы показать, каким образом его части имеют определенное положение по отношению друг к другу или где они находятся, а также какие части соприкасаются друг с другом. Нельзя это показать и у частей времени: ведь ни одна часть времени не неподвижна; а как может то, что не неподвижно, иметь определенное положение? Скорее можно было бы сказать, что время имеет некоторый порядок в том смысле, что одна часть времени существует раньше, а другая – позже. Точно так же обстоит дело и с числом – в том смысле, что один указывают при счете раньше, чем два, а два – раньше, чем три; и именно в этом смысле у числа имеется, пожалуй, некоторый порядок, а положение [для него] вовсе нельзя указать. И точно так же произнесенное слово: ни одна часть его не неподвижна, а каждая уже сказана, и ее уже нельзя ухватить; поэтому у частей слова нет положения, раз ни одна из них не неподвижна. Итак, одни количества состоят из частей, имеющих определенное положение, другие – из частей, не имеющих положения.

Количеством в собственном смысле называется только то, что указано выше; все остальное называется так привходящим образом; в самом деле, имея в виду те, которые были указаны, мы называем количествами и остальное; так, белое называется большим, потому что поверхность большая, и действие – продолжительным, потому что оно совершается долгое время, и

точно так же движение – значительным: каждое из них называется количеством не само по себе. Так, если кто-то указывает, сколь продолжительно действие, он определит его временем, указывая, что это действие длится год или что-то в этом роде; равным образом, указывая, что белое есть некоторое количество, он определит его через поверхность: как велика поверхность, такое же по величине, скажешь ты, и белое. Так что только указанное ранее называется количеством в собственном смысле и само по себе; из всего же остального ничто не называется так само по себе, а если и называется, то привходящим образом.

Далее, количеству ничто не противоположно; когда речь идет об определенных количествах, то ясно, что нет ничего противоположного им, например длине в два или в три локтя, или той или иной поверхности, или чему-то подобному: ведь им ничто не противоположно, разве только если сказать, что «многое» противоположно «малочисленному» или «большое» – «малому». Однако все это не количество, а скорее соотнесенное; в самом деле, ни одна вещь не называется большой или малой сама по себе, а лишь поскольку ее соотносят с другим, как, например, [какую-то] гору называют малой, а просяное зерно – большим, поскольку последнее больше других зерен, а первая меньше других гор. Таким образом, имеет место соотношение с другим: ведь если бы вещь называлась большой или малой сама по себе, то гора никогда не называлась бы малой, а просяное зерно – большим. Точно так же мы говорим, что в селении много людей, а в Афинах мало, хотя здесь их во много раз больше, чем там, и что в доме много людей, а на представлении мало, хотя их здесь гораздо больше. Далее, длина в два или в три локтя и все тому подобное означает количество, между тем «большое» или «малое» означает не количество, а скорее соотнесенное. В самом деле, большое и малое рассматриваются в отношении к другому; поэтому очевидно, что то и другое принадлежит к соотнесенному. Далее, признает ли их кто-нибудь количеством или не признает, во всяком случае нет ничего противоположного им; в самом деле, как можно назвать что-то противоположным тому, что может быть взято не само по себе, а [лишь] в соотношении с другим? Далее, если «большое» и «малое» будут противоположностями, то окажется, что одно и то же допускает в одно и то же время противоположности и что вещи противоположны сами себе: ведь иногда бывает, что одно и то же в одно и то же время и велико и мало, ибо по сравнению с одним оно мало, а по сравнению с другим оно же велико; поэтому одно и то же бывает в одно и то же время и большим и малым, так что оно допускает в одно и то же время противоположности. Но, надо полагать, ничто не допускает в одно и то же время противоположностей, как мы это видим в отношении сущности: она, надо полагать, способна принимать противоположности, но во всяком случае ничто не бывает в одно и то же время больным и здоровым, как не бывает вместе белым и черным; и среди всего остального нет ничего, что допускало бы в одно и то же время противоположности. Иначе получается, что вещи противоположны сами себе. В самом деле, если большое противоположно малому, а одно и то же в одно и то же время велико и мало, то оно, можно сказать, противоположно само себе. Но быть противоположным самому себе – это нечто несообразное. Значит, «большое» не противоположно «малому» и «многое» – «малочисленному». Так что если даже причислять их не к соотнесенному, а к количеству, то все же они не будут иметь ничего противоположного.

Противоположность по количеству, надо полагать, имеется главным образом у места. В самом деле, «верх» считают противоположным «низу», называя место у середины «низом», так как расстояние от середины Вселенной до ее пределов самое большое. По-видимому, и определение остальных противоположностей заимствуется от этих: как противоположные друг другу определяют те вещи из одного и того же рода, которые больше всего отдалены друг от друга.

[Определенное] количество, надо полагать, не допускает большую и меньшую степень, например длина в два локтя: в самом деле, одно имеет длину в два локтя не в большей степени, чем другое. Равным образом и число; одна тройка, например, ничуть не в большей мере тройка, чем другая, и одна пятерка ничуть не в большей мере пятерка, чем другая. И один

промежуток времени не называется временем в большей мере, чем другой. И вообще ни об одном из перечисленных видов количества не говорится, что оно есть количество в большей или меньшей мере. Стало быть, и количество [так же как сущность] не допускает большей и меньшей степени.

Главная особенность количества – это то, что о нем говорят как о равном и неравном; в самом деле, о каждом из указанных количеств говорится как о равном и неравном; так, говорят, что одно тело равно или не равно [другому] и что один промежуток времени равен или не равен [другому]. Точно так же и о каждом из остальных указанных количеств можно говорить как о равном и не равном.

О прочем же, что не есть количество, вовсе, по-видимому, нельзя говорить как о равном или не равном; так, об одном расположении вовсе не говорят, что оно равно или не равно [другому], а скорее, что оно сходно [с другим], и о чем-то одном белом не говорят, что оно равно или не равно [другому белому], а говорят, что оно одинаково [или неодинаково] бело. Таким образом, главная особенность количества – это то, что о нем говорится как о равном и не равном.

Глава седьмая [Соотнесенное]

Соотнесенным называется то, о чем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому; так, о большем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим; ведь говорят – большее, чем что-то; и о двойном говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим; ведь говорят – двойное против чего-то. Так же обстоит дело и с другим им подобным. К соотнесенному принадлежит и такое, как обладание, расположение, чувственное восприятие, знание, положение. В самом деле, обо всем перечисленном говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим, а не что-то иное: обладание есть обладание чем-нибудь, и знание – знание о чем-нибудь, положение – положение чего-нибудь, и все остальное точно так же. Таким образом, соотнесенное – это то, о чем говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то ином отношении к другому, как, например, одна гора называется большой в сравнении с другой, так как ее называют большой по отношению к чему-то, и так же о сходном говорят как о сходном с чем-то, и точно так же называется соотнесенным и другое в этом роде. Далее, и возлежание, и стояние, и сидение суть некоторые положения, а положение принадлежит к соотнесенному. С другой стороны, лежать, стоять или сидеть – все это само по себе не положения, а обо всем этом говорится как о производном от только что указанных положений.

У соотнесенного бывает и противоположность; так, например, добродетель противоположна пороку – то и другое принадлежит к соотнесенному; и точно так же знание противоположно неведению. Однако не все соотнесенное имеет противоположное себе; двойному ничто не противоположно, равно как и тройному и вообще ничему подобному им.

Соотнесенное, видимо, допускает большую и меньшую степень. В самом деле, о чем-то говорят как о сходном и несходном в большей или в меньшей степени, так же как о равном и не равном в большей или меньшей степени, причем каждое из них есть соотнесенное: о сходном говорят как о сходном с чем-то и о не равном – как о не равном чему-то. Однако не все соотнесенное допускает большую и меньшую степень: о двойном не говорится как о двойном в большей и в меньшей степени, не говорится так ни о чем другом в этом роде.

Все соотнесенные между собой [стороны] обоюдны; так, под рабом подразумевается раб господина, а под господином – господин раба; и под двойным – двойное по отношению к половинному, а под половинным – половинное по отношению к двойному, равно как и под большим – большее по отношению к меньшему, а под меньшим – меньшее по отношению к большему. Точно так же обстоит дело и в других случаях, разве что иногда будет различие в окончании слова. Так, о знании говорят, что оно знание познаваемого, а о познаваемом говорят, что оно познается знанием, равно как и о чувственном восприятии – что оно восприятие воспринимаемого, а о воспринимаемом – что оно воспринимаемое восприятием. Однако иногда такой обоюдности нет, если то, о чем говорится в связи с другим, указано не так, как следует, а тот, кто указал это, сделал ошибку; так, например, если указано «крыло птицы», то нельзя указать наоборот: «птица крыла», так как первое – «крыло птицы» – указано не так, как следует. В самом деле, говорят о крыле птицы не поскольку она птица, а поскольку она крылатое [существо]: ведь крылья имеются и у многих других существ, не только у птиц. Поэтому, если указывать подходящим образом, то обоюдность возможна; так, крыло есть крыло крылатого, и крылатое есть крылатое крылом. Иногда же необходимо, пожалуй, даже придумать имена, если нет установленного имени, в отношении которого [соотнесенное] могло бы быть указано подходящим образом; так, например, если указано «кормило судна», то это указано неподходящим образом: ведь не поскольку это судно, кормило называется его кормилом; ведь есть суда, у которых нет кормила; поэтому здесь нет обоюдности: о судне не говорят как о судне кор-

мила. Более подходящим образом указали бы, пожалуй, если бы выразились как-нибудь так: кормило есть кормило «кормилоуправляемого» или как-нибудь иначе; [подходящего] имени нет. И обоюдность возможна, если указано подходящим образом: ведь «кормилоуправляемое» есть «кормилоуправляемое» кормилом. Точно так же обстоит дело и в других случаях; так, «голова» была бы указана более подходящим образом, если бы ее назвали «головой оглавленного», чем если бы ее назвали «головой животного»: ведь животное имеет голову не поскольку оно животное, ибо многие животные не имеют головы. Для вещей, не имеющих установленных имен, легче всего, пожалуй, приобрести их, если имена, производные от исходного, давать тому, что допускает обоюдность с ними, подобно тому как выше от «крыла» было образовано «крылатое» и от «кормила» – «кормилоуправляемое».

Итак, все соотнесенные между собой [стороны], если они указываются подходящим образом, обоюдны; однако если соотнесенное указывается наугад, а не по отношению к тому, с чем оно соотнесено, то обоюдности нет. Я имею в виду, что даже у таких соотнесенных, которые, по общему признанию, обоюдны и для которых установлены имена, все же нет обоюдности, если они указываются по отношению к привходящему, а не по отношению к тому, с чем они соотнесены; например, если «раб» указан не как раб господина, а как раб человека, или двуногого существа, или чего-либо подобного, то обоюдности нет, ибо «раб» указан неподходящим образом. Если же соотнесенное указывается по отношению к тому, с чем оно соотнесено, подходящим образом, причем отбрасывается все привходящее и оставляется только то, по отношению к чему оно было указано подходящим образом, то оно всегда будет говорить по отношению к нему; так, если «раб» говорится по отношению к господину, причем отбрасывается все то, что есть для господина [как такового] привходящее (например, то, что он двуногое существо, что он способен овладевать знаниями и есть человек), и оставляется только то, что он господин, – то «раб» всегда будет говорить по отношению к нему: ведь раб называется рабом господина. Если же соотношение одной вещи с другой указывается неподходящим образом, хотя бы и отбрасывалось все остальное и оставалось лишь то, по отношению к чему она была указана, – то она не будет говорить по отношению к нему. В самом деле, пусть «раб» будет указан как «раб человека» и «крыло» – как «крыло птицы», и пусть от человека будет отброшено то, что он господин, тогда «раб» уже не будет говорить по отношению к человеку: если нет господина, то нет и раба. Точно так же пусть от птицы будет отброшено то, что она крылатая, тогда крыло уже не будет принадлежать к соотнесенному: ведь если нет крылатого, то и крыло не будет крылом чего-то. Поэтому необходимо указывать соотношение подходящим образом. И если есть установленное имя, то указывать это легко; если же его нет, то, конечно, необходимо придумывать наименования. Если так указывать, то все соотнесенные между собой [стороны] будут, очевидно, обоюдными.

Соотнесенные между собой [стороны], надо полагать, по природе существуют вместе, и в большинстве случаев это верно; в самом деле, вместе существуют двойное и половина, и, когда есть половина, есть и двойное; равным образом, когда имеется господин, имеется и раб, и, когда имеется раб, имеется и господин, и подобно этому обстоит дело и в остальных случаях. Далее, соотнесенные между собой [стороны] устраняются вместе: ведь если нет двойного, нет и половины, и если нет половины, нет и двойного, и точно так же в остальных подобного рода случаях. Однако не для всех соотнесенных между собой [сторон], надо полагать, правильно, что они по природе существуют вместе. Ведь познаваемое, надо полагать, существует раньше, чем знание; в самом деле, большей частью мы приобретаем знания, когда предметы их уже существуют; лишь редко можно видеть – а может быть, таких случаев и нет, – чтобы знание возникало вместе с познаваемым. Далее, с уничтожением познаваемого прекращается и знание, между тем с прекращением знания познаваемое не уничтожается; в самом деле, если нет познаваемого, то нет и знания (ведь оно было бы в таком случае знанием ни о чем); если же нет знания, то ничто не мешает, чтобы существовало познаваемое, например квадратура круга,

если только она нечто познаваемое: знания о ней еще нет, но сама она существует как познаваемое. Далее, с уничтожением всякого живого существа знания не будет, но множество предметов познания может существовать.

Подобным же образом обстоит дело и с чувственным восприятием: воспринимаемое чувствами существует, надо полагать, раньше, чем чувственное восприятие. В самом деле, с уничтожением воспринимаемого чувствами прекращается и чувственное восприятие, между тем чувственное восприятие не устраняет вместе с собой воспринимаемое чувствами. В самом деле, восприятия принадлежат к телу и находятся в теле. С уничтожением воспринимаемого чувствами уничтожается и тело (ведь тело есть нечто воспринимаемое чувствами), но если нет тела, то прекращается и чувственное восприятие; так что воспринимаемое чувствами устраняет вместе с собой чувственное восприятие. Между тем чувственное восприятие не устраняет вместе с собой воспринимаемого чувствами: с уничтожением животного прекращается чувственное восприятие, но воспринимаемое чувствами будет существовать, например тело, теплое, сладкое, горькое и все остальное воспринимаемое чувствами.

Далее, чувственное восприятие возникает вместе с тем, кто воспринимает чувствами; в самом деле, животное и чувственное восприятие появляются вместе, воспринимаемое же чувствами существует и до чувственного восприятия: ведь огонь, вода и тому подобные [элементы], из которых составляется и животное, имеются и до животного вообще, и до восприятия. Таким образом, воспринимаемое чувствами, надо полагать, существует раньше чувственного восприятия.

Можно спросить, действительно ли ни одна сущность, как полагают, не принадлежит к соотносительному, или же для некоторых вторых сущностей это возможно. Что касается первых сущностей, то это действительно так: ни о них как о целых, ни об отдельных их частях не говорят, что они соотносительное. В самом деле, об отдельном человеке не говорят, что он отдельный человек чего-то, и об отдельном быке – что он отдельный бык чего-то. Точно так же и о частях: об отдельной руке не говорят, что она отдельная рука кого-то, а говорят о руке, что она рука кого-то; и об отдельной голове не говорят, что она отдельная голова кого-то, а говорят о голове, что она голова кого-то. Точно так же дело обстоит и со вторыми сущностями, по крайней мере с преобладающим большинством их; так, о [виде] «человек» не говорят, что он «человек» чего-то, и о [виде] «бык» – что он «бык» чего-то; точно так же и о бревне не говорят, что оно бревно чего-то, а говорят, что оно имущество кого-то. Таким образом, очевидно, что сущности этого рода не принадлежат к соотносительному. Однако относительно некоторых вторых сущностей это спорно; так, о голове говорится, что она голова кого-то, и о руке – что она рука кого-то, и так же во всех подобных случаях, так что такие сущности можно было бы, по-видимому, причислить к соотносительному. Если [данное выше] определение соотносительного надлежащее, то или очень трудно, или невозможно показать, что ни одна сущность не есть соотносительное. Если же это определение ненадлежащее, а соотносительное есть то, для чего быть значит то же, что находиться в каком-то отношении к чему-нибудь, то можно, пожалуй, кое-что сказать против [соотносительности сущности]. Правда, прежнее определение простирается на всякое соотносительное, однако находиться в отношении к чему-нибудь – это не то же, что быть по самому существу соотносительным с другим. А отсюда ясно, что, если кто-нибудь определенно знает нечто соотносительное, он будет определенно знать и то, с чем оно соотносено. Это явствует и из самого соотносительного: если знают, что вот это есть соотносительное, а для соотносительного быть – значит находиться в каком-то отношении к чему-нибудь, то знают также и то, к чему оно находится в таком отношении. Ведь если вообще неизвестно, к чему оно находится в том или ином отношении, то не будет известно и то, находится ли оно в каком-то отношении к чему-нибудь. И из отдельных случаев это ясно; например, если точно знают, что это есть двойное, тотчас же знают точно и то, двойное чего оно есть; в самом деле, если не знают, что оно двойное по отношению к чему-то точно определенному, то не знают, есть ли оно вообще двойное.

Таким же образом, если знают, что вот это есть лучшее, то в силу этого сразу же необходимым образом точно знают также, чего оно лучше. И знание о том, что оно лучше того, что хуже, не будет неопределенным знанием, иначе это оказывается лишь предположением, а не есть действительное знание, ибо еще не будут точно знать, что оно лучше того, что хуже: в этом случае вполне возможно, что нет ничего такого, что было бы хуже его. Так что очевидно, что если точно знают, что нечто есть соотнесенное, то необходимым образом знают точно и то, к чему оно относится. Между тем голову, руку и каждую из таких [частей тела], которые суть сущности, можно определенно знать, что они есть в существе своем, но знание того, к чему они относятся, отсюда не вытекает с необходимостью: чья это голова или чья это рука – этого можно не знать определенно. Поэтому такие [части тела] не принадлежат к соотнесенному. И если они не принадлежат к соотнесенному, то правильно будет сказать, что ни одна сущность не принадлежит к соотнесенному. Быть может, нелегко убедительно высказываться о таких вещах, не обсудив их многократно. Но разобрать каждую из них не бесполезно.

Глава восьмая

[Качество]

Качеством я называю то, благодаря чему предметы называются такими-то. «Качество» имеет много значений. Под одним видом качества будем понимать устойчивые и преходящие свойства. Устойчивое свойство отличается от преходящего тем, что оно продолжительнее и прочнее. Таковы знания и добродетели; в самом деле, знание, надо полагать, есть нечто прочное и с трудом меняющееся, даже если постигли его в малой степени, разве только произойдет значительная перемена из-за болезни или чего-то другого в этом роде. Таким же образом и добродетель, например справедливость, благоразумие и все тому подобное, надо полагать, не легко поддается колебаниям и изменениям.

Преходящими свойствами или состояниями называются такие качества, которые легко поддаются колебаниям и быстро изменяются, каковы, например, тепло и холод, болезнь и здоровье и все тому подобные [состояния]. В самом деле, человек находится в том или другом состоянии и вместе с тем быстро изменяется, становясь из теплого холодным или из здорового больным, и точно так же в остальных случаях, если только какое-нибудь из этих состояний с течением времени не укоренится и не окажется неустранимым или совершенно неподверженным изменению; а такое состояние можно было бы, пожалуй, уже назвать устойчивым свойством.

Итак, очевидно, что под устойчивыми свойствами понимают качества более продолжительные и малоподверженные изменениям: ведь о тех, кто не вполне владеет знаниями и легко поддается изменению, не говорят, что они обладают таким-то свойством, хотя они, конечно, находятся в каком-то отношении к знанию – либо в худшем, либо в лучшем. Таким образом, устойчивое свойство отличается от преходящего тем, что последнее легко поддается изменению, а первое более продолжительно и мало подвержено изменениям. Вместе с тем свойства суть состояния, однако состояния не обязательно свойства. В самом деле, те, кто обладает теми или иными свойствами, находятся в каком-то состоянии в отношении их, а те, кто находится в каком-то состоянии, не во всех случаях обладают [соответствующим] свойством.

Другой вид качества – это то, благодаря которому мы называем людей искусными в кулачном бою или искусными в беге, здоровыми или болезненными, и вообще те качества, о которых говорится как о врожденной способности или неспособности; в самом деле, каждое из них называется таким не потому, что кто-то находится в каком-то состоянии, а потому, что он имеет врожденную способность или неспособность легко что-то делать или ничего не претерпевать; так, кто-то называется искусным в кулачном бою или в беге не потому, что он находится в том или ином состоянии, а потому, что он имеет врожденную способность легко что-то делать, и здоровым – потому, что он имеет врожденную способность не поддаваться легко действию случайностей, а болезненным – потому, что он от природы не способен сопротивляться действию случайностей. Точно так же обстоит дело и с твердым и мягким. Твердое называется так потому, что оно имеет способность не поддаваться легко раздроблению, а мягкое – потому, что не имеет способности к этому.

Третий вид качества – претерпеваемые свойства и состояния. Таковы, например, сладость, горечь, терпкость и все сходное с ними; кроме того, тепло, холод, белизна и чернота. Что они качества – это очевидно: то, что ими наделено, называется таким-то в соответствии с ними; например, мед называется сладким, так как он наделен сладкостью, и тело называется белым, так как оно наделено белизной. Точно так же обстоит дело и в остальных случаях. А претерпеваемыми свойствами они называются не потому, что то, что наделено ими, само что-то претерпевает или испытывает: мед называется сладким не потому, что он что-то испытал, и все тому подобное – точно так же. Равным образом и тепло, и холод называются претерпеваемыми

мыми свойствами не потому, что наделенное ими что-то испытало; называются они так потому, что каждое из упомянутых качеств оказывает некоторое воздействие на [внешние] чувства. Действительно, от сладости воздействие испытывает вкус, а от тепла – осязание, и сходным образом остальные [такого рода] качества.

Что же касается белизны, черноты и других цветов, то они называются претерпеваемыми свойствами не по той же причине, что упомянутые качества, а потому, что они сами порождены испытываемыми воздействиями. Что многие перемены в цвете происходят из-за воздействий, испытываемых [душой], – это ясно; в самом деле, кто испытал стыд – покраснел, кто испытал страх – побледнел, и так в каждом подобном случае. Поэтому если кто так же естественным образом испытал нечто подобное, то следует ожидать, что в зависимости от некоторых естественных обстоятельств у него будет такой же цвет [лица]. Действительно, то же состояние тела, которое в первом случае возникло при испытании стыда, может возникнуть и в зависимости от естественного строения тела, а потому естественным образом возникает и такой же цвет. Таким образом, те явления (*symptomata*) этого рода, которые берут свое начало от тех или иных устойчивых и длительных состояний, называются претерпеваемыми свойствами. В самом деле, бледность или смуглость называются качествами (ведь нас называют такими-то благодаря им), когда они появляются не только в зависимости от естественного строения тела, но и вследствие продолжительной болезни или солнечного жара, и они [в этом случае] лишь с трудом исчезают и даже остаются на всю жизнь (ведь нас называют такими-то точно так же благодаря им). А те явления, которые возникают от чего-то легко прекращающегося и быстро исчезающего, называют состояниями, но не качествами. Дело в том, что по ним никого не называют таким-то и таким-то: ведь краснеющего от стыда не называют краснолицым, а бледнеющего от страха – бледнолицым, а скорее о них говорят, что они что-то испытали. Так что в этих случаях говорят о состояниях, а не о качествах.

Равным образом говорят о претерпеваемых свойствах и состояниях души. В самом деле, те из них, что сразу возникли при рождении от тех или иных устойчивых состояний, называются качествами, например умопомешательство, раздражительность и тому подобное, ведь по ним называют кого-то таким-то и таким-то – раздражительным или помешанным. Равным образом и те отклонения, которые не прирождены, но вследствие каких-то других обстоятельств трудноустранимы или же вообще не поддаются изменению, суть качества, так как по ним называют людей такими-то и такими-то. А те, что возникают от чего-то быстро исчезающего, называются состояниями, например, если испытывающий печаль становится более раздражительным. В самом деле, того, кто в таком состоянии становится более раздражительным, еще не называют раздражительным человеком, а скорее говорят, что он что-то испытал. Таким образом, подобные [явления] называются состояниями, а не качествами.

Четвертый вид качества – это очертания и имеющийся у каждой [вещи] внешний облик и, кроме того, прямизна и кривизна и тому подобное. В самом деле, ведь по ним в каждом случае называют что-то таким-то и таким-то, ибо вещь называют такой-то и такой-то благодаря тому, что она треугольная или четырехугольная, или благодаря тому, что она прямая или кривая, и равным образом по внешнему облику что-то называют таким-то и таким-то. Что же касается рыхлого и плотного, шероховатого и гладкого, то кажется, будто они означают какое-то качество; однако они, видимо, не относятся к категории качества; в самом деле, каждое из них указывает, по-видимому, скорее на то или иное положение частей; а именно, нечто плотно потому, что части его очень близки друг к другу, а рыхло потому, что они находятся на некотором расстоянии друг от друга; гладко же потому, что части его лежат как бы по прямой линии, а шероховато потому, что у него одна часть выше, другая ниже.

Можно было бы, пожалуй, указать и какой-нибудь другой вид качества. Но, во всяком случае, упомянутые нами – наиболее распространенные.

Итак, качества – это те, о которых мы говорили, а такими-то и такими-то вещи называют производными от них именами или именами, образованными от них как-то иначе. В большей части случаев и даже почти во всех такими-то их называют производными именами; так, от бледности – бледным, от умения читать и писать – умеющим читать и писать, от справедливости – справедливым. И точно так же и в других случаях.

Иногда, однако, из-за того что некоторые качества не имеют названий, наделенное ими нельзя назвать производным от них именем; например, способный к бегу или к кулачному бою, называемый так в силу своей природной способности, не называется производным от какого-либо качества именем, ибо для способностей, благодаря которым эти люди называются именно такими, нет названий в отличие от искусств, по которым кого-то называют способным к кулачному бою или к борьбе в силу их склонностей: ведь говорят об искусстве кулачного боя и об искусстве борьбы, а тех, кто расположен к ним, называют такими-то и такими-то производным от этих искусств именем.

Иногда же хотя качество и имеет название, но то, что называется в соответствии с ним, называется не производным от него именем; так, от добродетели (*aretē*) – хороший (*spoudaios*); в самом деле, хороший называется так потому, что он обладает добродетелью, но назван он именем, не производным от добродетели. Однако это бывает не часто. Итак, такими-то и такими-то [вещи] называются в соответствии с перечисленными видами качества производными от них именами или именами, образованными от них как-то иначе.

У качества бывает и противоположность; так, справедливость противоположна несправедливости, белизна – черноте, и все остальное таким же образом, равно как и все то, что названо по ним таким-то и таким-то, например несправедливое противоположно справедливому и белое – черному. Но это имеет место не во всех случаях. В самом деле, огненно-красному, или бледно-желтому, или другим подобным цветам нет ничего противоположного, хотя они качества. Далее, если одна из двух противоположностей есть качество, то и другая будет качеством. И это становится ясным, если привлечь к рассмотрению остальные категории. Так, если справедливость противоположна несправедливости, а справедливость есть качество, то, значит, и несправедливость – качество; в самом деле, ни одна из остальных категорий не подходит к несправедливости – ни количество, ни отношение, ни «где» и вообще ничего из них, кроме качества. Точно так же обстоит дело и с остальными противоположностями у качества.

Качества допускают большую и меньшую степень. Об одном белом говорят, что оно более бело или менее бело, чем другое, и об одном справедливом – что оно более справедливо или менее справедливо, чем другое. Да и самому качественно определенному доступно приращение, ибо нечто, будучи белым, может стать еще более белым; однако не всегда так, а лишь большей частью. В самом деле, вызывает сомнение, можно ли сказать, что одна справедливость есть большая или меньшая справедливость, чем другая; и точно так же и относительно всякого другого свойства или состояния. Ведь некоторые спорят об этом: они утверждают, что, конечно, одну справедливость (или одно здоровье) никак нельзя называть большей или меньшей справедливостью (или здоровьем), нежели другую, но один человек обладает здоровьем в меньшей мере, чем другой, и справедливостью в меньшей мере, чем другой, и точно так же умением читать и писать и остальными свойствами и состояниями. Но по крайней мере то, что называется по ним, бесспорно допускает большую и меньшую степень; в самом деле, об одном говорят, что он владеющий искусством чтения и письма в большей мере, чем другой, а также что он более здоров и справедлив, и точно так же в других случаях. Между тем «треугольное» и «четыреугольное», как и всякая другая фигура, не допускает, видимо, большую степень. Ведь все, что принимает определение треугольника или круга, есть треугольник или круг в одинаковой мере, а из того, что не принимает такого определения, нельзя одно называть [треугольником или кругом] в большей степени, нежели другое; в самом деле, квадрат несколько не в большей степени круг, нежели разносторонний многоугольник, ибо ни тот ни

другой не принимает определения круга. И вообще, если оба не принимают определения подлежащего [предмета], то один не может быть назван им в большей степени, нежели другой. Таким образом, не все качественно определенное допускает большую и меньшую степень.

Итак, из указанных выше черт ни одна не составляет особенности качества. О сходном же и несходном говорится только в отношении качеств. В самом деле, одно сходно с другим лишь постольку, поскольку оно есть нечто качественно определенное; поэтому особенностью качества будет то, что о сходном и несходном говорится лишь в отношении его.

Не следует при этом смущаться, если кто-то скажет, что мы, имея намерение говорить о качестве, сопричисляем к нему и много соотнесенного: ведь мы говорили, что свойства и состояния принадлежат к соотнесенному. Дело в том, что почти у всех них роды, правда, суть соотнесенное, но ни одно отдельное свойство и состояние не есть соотнесенное. В самом деле, относительно знания как рода говорится, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим (ведь говорят: знание чего-то); но о каждой отдельной отрасли знания не говорят, что то, что она есть, она есть в связи с другим; например, о грамматике не говорят, что она грамматика чего-то, и об искусстве музыки – что она музыка чего-то; разве только через род они могут быть обозначены как соотнесенное; например, грамматика называется знанием чего-то, но не грамматикой чего-то, и искусство музыки – знанием чего-то, но не музыкой чего-то. Так что отдельные отрасли знания не принадлежат к соотнесенному. Между тем мы называемся такими-то и такими-то в соответствии с отдельными отраслями знания, ведь как раз ими мы обладаем; в самом деле, знающими мы называемся потому, что мы обладаем каким-нибудь из отдельных знаний. Вот почему эти знания будут качествами, а именно отдельные отрасли знания, в соответствии с которыми мы иногда и называемся такими-то и такими-то, а к соотнесенному они не принадлежат. Кроме того, если бы одно и то же и оказалось и соотнесенным, и качеством, то вовсе не было бы нелепо причислять его к обоим этим родам.

Глава девятая

[Остальные шесть категорий]

Действие и претерпевание также допускают и противоположность себе, и большую и меньшую степень. В самом деле, нагревать и охлаждать, равным образом быть нагреваемым и быть охлаждаемым, испытывать радость и испытывать печаль – все это противоположно одно другому, так что они допускают противоположность себе. Они допускают также большую и меньшую степень: ведь можно нагревать что-то больше или меньше и можно быть нагреваемым больше или меньше. Следовательно, действие и претерпевание допускают большую и меньшую степень.

Итак, вот что сказано об этих категориях. Что касается [категории] «находиться в каком-то положении», то относительно нее уже было сказано при рассмотрении соотнесенного, что она называется именем, производным от различного рода положения. Что же касается остальных категорий – «когда», «где» и «обладать», то ввиду полной их ясности о них говорится здесь лишь то, что было сказано вначале, а именно что обладать означает, [например], быть обутым, быть вооруженным, где – например, в Ликее, и остальное, что уже было сказано о них.

Глава десятая

[Четыре вида противоположения]

О представленных нами родах [категорий] сказанного достаточно. Что же касается противоположащих друг другу [вещей], то следует сказать, сколькими способами обычно одно противоположит другому. О противоположащих друг другу [вещах] говорится четверояко: или как о соотнесенных между собой, или как о противоположностях, или как о лишенности и обладании, или как об утверждении и отрицании. И если вкратце сказать о каждом из них, то, например, двойное противоположит половине как соотнесенное, зло благу – как противоположности, слепота зрению – как лишенность и обладание, «он сидит» и «он не сидит» – как утверждение и отрицание.

О том, что противоположит как соотнесенное, говорится, что то, что оно есть, оно есть в связи с противоположащим ему или находясь в каком-то ином отношении к нему; например, о двойном – что оно, как таковое, есть двойное по отношению к половинному. И знание противоположит познаваемому как соотнесенное, и о нем говорится, что то, что оно есть, – это знание познаваемого; и равным образом о познаваемом говорится, что то, что оно есть, оно есть в связи с противоположащим ему – со знанием: ведь говорят, что познаваемое есть познаваемое чем-то – познанием.

Итак, о противоположащем как соотнесенном говорится, что то, что оно есть, оно есть в связи с другим или находясь в каком-то [ином] отношении к другому. О противоположащих же как противоположностях никак не говорят, что то, что они есть, они есть в связи друг с другом, а говорят, что они противоположны друг другу: ведь не говорят, что хорошее есть хорошее плохого, а говорят, что оно противоположно плохому, и не говорят, что белое есть белое черного, а говорят, что оно противоположно черному. Так что эти два рода противопоставления отличаются друг от друга. И если противоположности таковы, что в том, в чем им свойственно от природы находиться или о чем они сказываются [как о подлежащем], одна из них необходимо должна наличествовать, то между этими противоположностями нет ничего посередине. Если же одна из них необязательно должна наличествовать, то между ними непременно имеется что-то посередине. Так, болезни и здоровью свойственно от природы находиться в теле живого существа, и одно из них двух – либо болезнь, либо здоровье – необходимо присуще телу живого существа. Равным образом нечетное и четное сказываются о числе, и одно из них должно быть присуще числу – либо нечетное, либо четное. И между ними нет ничего посередине – ни между болезнью и здоровьем, ни между нечетным и четным. Там же, где не обязательно должна наличествовать та или другая противоположность, между ними возможно нечто посередине; например, черному и белому свойственно от природы находиться в теле, но во всяком случае одно или другое из них не обязательно должно быть присуще телу: ведь не всякое тело либо бело, либо черно. Равным образом плохое и хорошее сказываются о человеке и о многом другом, но одно из них не обязательно должно быть присуще тому, о чем они сказываются: ведь не все есть либо плохое, либо хорошее. И между ними во всяком случае есть нечто посередине; например, между белым и черным – серое, бледно-желтое и другие цвета, а между плохим и хорошим – то, что не плохо и не хорошо. В некоторых случаях для находящегося посередине даются [особые] имена; например, для того, что между белым и черным, – серое, бледно-желтое и другие цвета; в некоторых же случаях нелегко обозначить именем находящегося посередине, а его определяют через отрицание обоих крайних, например «не хорошо и не плохо» или «не справедливо и не несправедливо».

Лишенность и обладание говорится относительно одного и того же, например зрение и слепота – относительно глаза; и вообще, в чем от природы находится [данное] свойство, относительно того можно говорить и о лишенности и об обладании. А лишенным какого-то

свойства мы называем все способное принимать это свойство, когда оно совершенно не наличествует в том, в чем оно от природы должно наличествовать, и именно в то время, когда естественно обладать им. В самом деле, мы называем беззубым не то, что не имеет зубов, и слепым – не то, что не имеет зрения, а то, что не имеет их, когда оно по природе должно было бы их иметь, ведь некоторые [существа] с самого рождения не имеют ни зрения, ни зубов, но их не называют ни беззубыми, ни слепыми. Однако быть лишенным чего-то и обладать свойством – это не то же самое, что лишенность и обладание свойством. Ибо свойство – это зрение, а лишенность – слепота; но обладать зрением – это не зрение, и быть слепым – это не слепота. Ведь слепота есть некоторая лишенность, быть же слепым – значит быть лишенным, но это не лишенность. Кроме того, если слепота была бы тем же, что быть слепым, тогда то и другое сказывалось бы об одном и том же; но слепым человек называется, а слепотой человек никогда не называется. По-видимому, и они – быть лишенным и обладать свойством – противостоят друг другу как лишенность и обладание свойством. Ведь противостоят они друг другу одним и тем же образом: как слепота противостоит зрению, так и бытие слепым противостоит обладанию зрением.

Равным образом и то, что подпадает под отрицание и утверждение, не есть то же, что отрицание и утверждение. Утверждение есть утвердительная речь, а отрицание – отрицательная речь, между тем ничто из подпадающего под утверждение и отрицание не есть речь. Но и о подпадающем под утверждение и о подпадающем под отрицание говорят, что они противостоят друг другу как утверждение и отрицание. Ведь и они противостоят друг другу тем же образом: как утверждение противостоит отрицанию (например, «он сидит» – «он не сидит»), так и действие, подпадающее под утверждение, противостоит действию, подпадающему под отрицание: сидение – несидению.

А что лишенность и обладание свойством противостоят друг другу не как соотнесенные, – это очевидно. Ведь относительно того или другого не говорят, что то, что оно есть, оно есть в связи с противоположащим ему. В самом деле, зрение не есть зрение слепоты, и также по-иному никак нельзя говорить о нем в отношении к ней. Равным образом и о слепоте нельзя сказать, что она слепота зрения; о ней, правда, говорят, что она лишенность зрения, но не говорят, что она слепота зрения. Кроме того, все соотнесенные между собой [стороны] обоюдны, а потому между слепотой (если бы она принадлежала к соотнесенному) и тем, с чем ее соотносили бы, была бы обоюдность. Но такой обоюдности нет: ведь не говорят, что зрение – это зрение слепоты.

А что вещи, о которых говорится в смысле лишенности и обладания, не противостоят друг другу и как противоположности, это ясно из следующего. Из [пары] противоположностей, между которыми нет ничего посередине, та или другая из них всегда necessarily присуща тому, в чем она от природы находится или о чем она сказывается [как о подлежащем]: ведь ничего, как было сказано, нет посередине между противоположностями, одна из которых necessarily присуща тому, что их принимает, как это бывает с болезнью и здоровьем или с нечетным и четным. Если же между противоположностями есть нечто посередине, то отнюдь не необходимо, чтобы та или другая из них была присуща всякому [способному принимать их]: ведь все способное принимать их не обязательно есть либо белое, либо черное или либо теплое, либо холодное, ибо ничто не мешает, чтобы что-то наличествовало посередине между ними. Далее, как было сказано, нечто посередине имеется и между теми противоположностями, та или другая из которых не обязательно должна быть присуща способному принимать их, разве только тому, чему от природы присуще что-нибудь одно, например огню присуще быть горячим и снегу – быть белым. В этих случаях определенно должно быть присуще одно из двух, и при этом – не какое попадется: ведь огонь не может быть холодным и снег – черным. Поэтому не всякому способному принимать противоположности necessarily присуща либо одна, либо

другая, а лишь тому, которому от природы присуще что-то одно, и притом определенно одно, а не какое придется.

Что же касается лишенности и обладания свойством, то относительно них ни то ни другое из сказанного не верно. Дело в том, что способному принимать их не всегда необходимо присуще одно из них: то, чему по природе еще не полагается иметь зрения, не называется ни слепым, ни имеющим зрение; поэтому лишенность и обладание не принадлежат к тем противоположностям, между которыми нет ничего посередине. Но не принадлежат они и к тем, у которых есть что-то посередине, ибо всякому способному принимать их одна из них необходимо должна когда-нибудь быть присуща, а именно: когда чему-то уже необходимо от природы иметь зрение, тогда скажут, что оно или слепое, или имеющее зрение, и из них ему будет присуще не определенно одно, а какое придется. Ведь ему не необходимо быть слепым и не необходимо быть имеющим зрение, а оно будет каким придется. Что касается тех противоположностей, у которых есть нечто посередине, то, как было сказано, вовсе не необходимо, чтобы всякому способному принимать их была присуща та или другая из них, а необходимо, чтобы какая-нибудь из них была присуща лишь некоторым, и притом определенно одна. Поэтому ясно, что противоположащее по лишенности и обладанию не противоположит ни тем ни другим способом, какими противоположат противоположности.

Далее, противоположности – при наличии способного принимать их – могут переходить друг в друга, разве только чему-то от природы присуще что-нибудь одно, например огню быть горячим; в самом деле, и здоровое может заболеть, и белое стать черным, и холодное теплым, и точно так же из хорошего можно сделаться плохим и из плохого – хорошим. Ведь если плохого человека направлять к лучшим занятиям и беседам, он сделает хоть небольшой шаг к тому, чтобы быть лучше. Если же он однажды совершит хоть и небольшой такой шаг, он, очевидно, может или совершенно перемениться, или же достичь очень больших успехов. Ему все легче будет склоняться к добродетели, каким бы незначительным ни был первоначальный успех; поэтому естественно ему достичь большего успеха. И, постоянно продолжаясь, это в конце концов приведет его к противоположному состоянию, если ему не мешает время. Что же касается обладания и лишенности, то здесь переход друг в друга невозможен. Правда, переход от обладания к лишенности бывает, но переход от лишенности к обладанию невозможен. В самом деле, ставший слепым не может вновь прозреть, у лысого волосы вновь не появляются, а у беззубого зубы не могут вырасти вновь.

А [высказывания], противоположащие друг другу как утверждение и отрицание, явно не противоположат ни одним из указанных выше способов, ибо всегда только одно из них необходимо истинно, другое ложно. В самом деле, ни при противоположностях, ни при соотнесенном, ни при лишенности и обладании свойством не необходимо, чтобы одно всегда было истинно, другое – ложно. Так, здоровье и болезнь противоположны друг другу, однако ни то ни другое не истинно и не ложно. Равным образом и двойное и половинное: они противоположат друг другу как соотнесенные между собой, но ни то ни другое из них не истинно и не ложно. Точно так же не истинны и не ложны лишенность и обладание, например зрение и слепота. Да и вообще все, о чем говорится вне какой-либо связи, не истинно и не ложно. А обо всем [противолежащем], указанном [здесь], говорится без связи. Правда, скорее всего, нечто такое, казалось бы, бывает у противоположностей, о которых говорится в связи: ведь то, что Сократ здоров, противоположно тому, что Сократ болен. Но не всегда одно здесь необходимо истинно, а другое ложно. Если Сократ существует, то одно из них будет истинным, другое – ложным; а если его нет, то оба они ложны: ведь если вообще нет самого Сократа, неистинно и то, что Сократ болен, и то, что он здоров. В случае же лишенности и обладания, если вообще нет [данной вещи], ни то ни другое не истинно; если же она есть, то не всегда одно истинно, а другое ложно; в самом деле, «Сократ имеет зрение» и «Сократ слепой» противоположат друг другу как лишенность и обладание; и если он существует, то необязательно одно истинно, а другое ложно (ибо когда

ему по природе еще не свойственно иметь зрение, и то и другое ложно); а если Сократа вообще нет, то в этом случае и то и другое ложно – и то, что он имеет зрение, и то, что он слепой. Что же касается утверждения и отрицания, то существует ли [вещь] или нет – всегда одно из них будет ложным, а другое истинным. Ибо ясно, что, если Сократ существует, одно из высказываний – «Сократ болен» и «Сократ не болен» – истинно, а другое ложно, и точно так же – если Сократа нет, ибо если его нет, то [высказывание] «он болен» ложно, а [высказывание] «он не болен» истинно. Так что только в тех случаях, где одно противостоит другому как утверждение и отрицание, имеется та особенность, что одно из них всегда истинно, а другое ложно.

Глава одиннадцатая **[Противоположности]**

Благу необходимо противоположно зло. Это показывает наведение в каждом отдельном случае; например, здоровью противоположна болезнь, мужеству – трусость, и одинаково в других случаях. Но злу иногда противоположно благо, иногда же зло; в самом деле, недостаток, который есть зло, противоположен избыток, который также есть зло; равным образом и умеренность, будучи благом, противоположна и первому, и второму. Но такого рода противоположность можно видеть лишь в немногих случаях, большей же частью злу противоположно благо.

Далее, если есть одна из противоположностей, то не обязательно, чтобы была и другая. Когда все здоровы, должно быть здоровье, болезнь же нет; равным образом, если все бело, должна быть белизна, чернота же нет. Далее, если то, что Сократ здоров, противоположно тому, что Сократ болен, а то и другое не может быть в одно и то же время присуще одному и тому же, то при наличии одной из этих противоположностей другая быть не может: в случае если Сократ здоров, Сократ не может быть болен.

Ясно также, что по природе противоположности относятся к тому, что тождественно или по виду, или по роду: болезнь и здоровье находятся по природе в теле животного, белизна и чернота – просто в теле, а справедливость и несправедливость – в душе человека.

С другой стороны, все противоположности необходимо принадлежат к одному и тому же роду, либо к противоположным родам, или же они сами роды. В самом деле, белое и черное принадлежат к одному и тому же роду (ведь их род – цвет), справедливость и несправедливость – к противоположным родам (ведь для первой род – добродетель, для второй – порок), благо же и зло не принадлежат к какому-либо роду, а сами оказываются родами для другого.

Глава двенадцатая

[Предшествующее и последующее]

О том, что одно предшествует другому, [или первее другого], говорится в четырех смыслах. В первом и самом основном смысле – по времени, в зависимости от которого об одном говорится как о более старом и более древнем по сравнению с другим: ведь нечто называется более старым и более древним потому, что времени прошло больше.

Во-вторых, первее то, что не допускает обратного следования бытия; например, «одно» первее «двух»: если имеется «два», то прямо следует, что имеется «одно»; но если имеется «одно», то из этого не обязательно следует, что имеется «два», так что от «одного» нет обратного следования остального. Таким образом, первее, надо полагать, то, от чего нет обратного следования бытия.

В-третьих, о том, что первее, говорится в смысле определенного порядка, так, как в науках и речах. В доказывающих науках имеется предшествующее и последующее по порядку (ведь [геометрические] элементы по порядку предшествуют чертежам, а в искусстве чтения и письма звуки речи или буквы предшествуют слогам), и одинаково в речах – а именно вступление по порядку предшествует изложению [сути дела].

Далее, [в-четвертых], помимо сказанного – лучшее и более чтимое, по-видимому, по природе первее. И обычно большинство утверждает, что люди более почитаемые и более любимые им «первее» его. Но этот смысл, пожалуй, наименее подходящий.

Итак, вот, пожалуй, в скольких смыслах говорят о том, что предшествует [или первее]. Но помимо указанных имеется, видимо, и другое значение того, что первее, а именно: о той из вещей, допускающих обратное следование бытия, которая так или иначе составляет причину бытия другой, можно было бы по справедливости сказать, что она по природе первее. А что нечто такое есть – это ясно: бытие человека допускает обратное следование бытия с истинной речью о человеке; в самом деле, если имеется человек, то верна речь о том, что он человек. И это обратимо: если верна речь о том, что есть человек, то человек есть. Но верная речь ни в коем случае не есть причина бытия вещи, однако вещь, по-видимому, есть некоторым образом причина истинности речи: ведь в зависимости от того, существует ли вещь или нет, речь о ней называется истинной или ложной. Так что о том, что одно предшествует другому [или первее другого], говорится в пяти смыслах.

Глава тринадцатая [Данное вместе]

Как о данных вместе в прямом и самом основном смысле говорится о тех [вещах], которые возникают в одно и то же время: ни одна из них не есть предшествующее или последующее, а о них говорят, что они вместе по времени. А данные вместе по природе – это те [вещи], которые, правда, допускают обратное следование бытия, но одна никоим образом не есть причина бытия другой, как, например, у двойного и половинного: они, правда, допускают обратное [следование бытия] (ведь если есть двойное, есть и половинное, и если есть половинное, есть и двойное), но ни одно из них не есть причина бытия другого.

Данными вместе по природе называются также [виды], соподчиненные одному и тому же роду. Соподчиненными называются [виды], противопоставленные друг другу в одном и том же делении, например пернатое – живущему на суше и обитающему в воде. Все они соподчинены одному и тому же роду: ведь живое существо делится на эти [виды] – на пернатое, живущее на суше и обитающее в воде, и ни один из этих [видов] не первее [другого вида] и не есть последующее [по отношению к нему], а, надо полагать, все такого рода животные по природе вместе. И каждое из них может в свою очередь быть разделено на [под]виды, например и живущее на суше, и пернатое, и обитающее в воде. Стало быть, и те [подвиды] будут вместе по природе, которые, принадлежа к одному и тому же роду, [противопоставлены] в одном и том же делении.

Роды же всегда первее видов: они не допускают обратного [с видами] следования бытия; например, если имеется животное, обитающее в воде, то имеется живое существо, но если имеется живое существо, то не обязательно имеется животное, обитающее в воде.

Таким образом, данными вместе по природе называются те [вещи], которые, правда, допускают обратное следование бытия, но одна никоим образом не есть причина бытия другой, а также [виды], соподчиненные одному и тому же роду; в прямом же смысле – вместе те [вещи], которые возникают в одно и то же время.

Глава четырнадцатая **[Шесть видов движения]**

Имеется шесть видов движения – возникновение, уничтожение, увеличение, уменьшение, превращение и перемещение.

Так вот, все движения явно отличаются друг от друга. В самом деле, возникновение – это не уничтожение, увеличение – это не уменьшение или перемещение, и точно так же в остальных случаях. Относительно же превращения имеется сомнение: не обстоит ли дело так, что то, что изменяется в качестве, необходимо изменяется через какое-нибудь из прочих движений. Но это неверно, ибо почти во всех или в большинстве случаев испытывания нами чего-то оказывается, что мы подвергаемся изменению в качестве, не участвуя ни в одном из других движений. В самом деле, то, что движется в том смысле, что оно что-то испытывает или претерпевает, не обязательно увеличивается или уменьшается, и точно так же не участвует во всех других движениях, так что превращение, можно сказать, отлично от всех других движений, ибо, если бы оно было тождественно им, изменяющееся в качестве должно было бы тотчас же увеличиваться или уменьшаться или должно было бы следовать какое-то из других движений; между тем это не обязательно. Точно так же то, что увеличивается или движется каким-нибудь иным движением, должно было бы в таком случае изменяться в качестве; однако бывает, что увеличиваются, не изменяясь в качестве; так, квадрат, если приложить к нему гномон, правда, увеличивается, но иным по качеству не становится; и точно так же в других подобных случаях. Так что, пожалуй, [все] эти движения отличаются друг от друга.

Движению вообще противоположен покой, но отдельным видам движения – отдельные виды движения: возникновению – уничтожение, увеличению – уменьшение, перемещению – пребывание на месте. В наибольшей же мере противолежит, по-видимому, [перемещению] перемещение в противоположном направлении, например движению вниз – движение вверх и движению сверху – движение снизу. А для оставшегося вида движения нелегко указать, что ему противоположно; ему, кажется, ничего не противоположно, если только ему не противопоставлять неизменность в качестве или же изменение в противоположное качество, подобно тому как перемещению противопоставляют пребывание на месте или перемещение в противоположном направлении, ведь превращение есть изменение в качестве. Поэтому движению касательно качества будет противолежать неизменность в качестве или изменение в противоположное качество, например становление белым – становлению черным, ибо изменением в качестве превращаются [здесь] в противоположное.

Глава пятнадцатая

[Обладание]

Что касается обладания, то о нем говорится во многих значениях: или как об обладании свойством и состоянием, либо каким-нибудь другим качеством (так, о нас говорят, что мы обладаем каким-то знанием и достоинством), или как об обладании количеством, например, что имеют определенную величину (ведь говорят, что нечто имеет величину в три локтя или в четыре локтя), или как об обладании тем, что имеют на теле (например, платьем или хитоном), или как об обладании тем, что имеют на части тела (например, кольцом на руке), или как об обладании частью тела (например, рукой или ногой), или как о содержимом сосуда (например, о медимне для пшеницы или о глиняном сосуде для вина: ведь говорят, что глиняный сосуд содержит вино и медимн – пшеницу; так что обо всем этом говорится, что оно что-то содержит в себе как в сосуде), или об обладании говорится как о владении имуществом (ведь о нас говорят, что мы владеем домом или полем).

Про нас также можно сказать, что мы имеем жену, и про женщину – что она имеет мужа. Только что указанное значение обладания – наименее подходящее, ведь «иметь жену» означает не что иное, как сожительствовать.

Можно было бы, пожалуй, указать и некоторые другие значения обладания; но, полагаю, обычные значения его перечислены.

Об истолковании

Глава первая

[Язык и письмо. Истинная и ложная речь]

Прежде всего следует установить, что такое имя и что такое глагол; затем – что такое отрицание и утверждение, высказывание и речь.

Итак, то, что в звуко сочетаниях, – это знаки представлений в душе, а письма – знаки того, что в звуко сочетаниях. Подобно тому как письма не одни и те же у всех [людей], так и звуко сочетания не одни и те же. Однако представления в душе, непосредственные знаки которых суть то, что в звуко сочетаниях, у всех [людей] одни и те же, точно так же одни и те же и предметы, подобия которых суть представления. О последних сказано в сочинении о душе, ибо они предмет другого исследования.

Подобно тому как мысль то появляется в душе, не будучи истинной или ложной, то так, что она необходимо истинна или ложна, точно так же и в звуко сочетаниях, ибо истинное и ложное имеются при связывании и разъединении. Имена же и глаголы сами по себе подобны мысли без связывания или разъединения, например «человек» или «белое»; когда ничего не прибавляется, нет ни ложного, ни истинного, хотя они и обозначают что-то: ведь и «козлоолень» что-то обозначает, но еще не истинно и не ложно, когда не прибавлен [глагол] «быть» или «не быть» – либо вообще, либо касательно времени.

Глава вторая [Имя]

Итак, имя есть такое звуко сочетание с условленным значением безотносительно ко времени, ни одна часть которого отдельно от другого ничего не означает. В самом деле, в слове «Kallippos» hippos само по себе ничего не значит, не так, как в речи kallos hippos («красивая лошадь»). Однако в составных именах дело обстоит не так, как в простых, ибо в последних ни одна часть не значима, а в первых имеется все же намек на значение, хотя в отдельности [каждая часть] ничего не означает; так, например, в epaktrokelēs («судно морских разбойников») kelēs само по себе ничего не означает.

[Имена] имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени. А [возникает имя], когда становится знаком, ибо членораздельные звуки хотя и выражают что-то, как, например, у животных, но ни один из этих звуков не есть имя.

«Не-человек» не есть имя; нет такого имени, которым можно было бы его назвать, ибо он не есть ни речь, ни отрицание. Пусть он называется неопределенным именем, [потому что он одинаково подходит к чему угодно – к существующему и к несуществующему]. «Филона» же или «Филону» и тому подобное не имена, а падежи имени. Смысл их остается тем же самым, но вместе с [глаголом] «есть», или «было», или «будет» они не выражают истины или лжи, имя же [вместе с глаголом] всегда их выражает; например, «Филона есть» или «Филона не есть» не выражают ни истины, ни лжи.

Глава третья

[Глагол]

Глагол есть [звукосочетание], обозначающее еще и время; часть его в отдельности ничего не обозначает, он всегда есть знак для сказанного об ином. Говорю же я, что глагол обозначает еще и время; например, «здоровье» есть имя, а «[он] здоров» есть глагол, ибо это еще обозначает, что здоровье имеется в настоящем времени. Далее, глагол всегда есть знак для сказанного об ином, например о подлежащем или о том, что находится в подлежащем.

[Выражение] же «[он] не здоров» или «[он] не болен» я не называю глаголом, ибо хотя и оно обозначает еще и время и всегда присуще чему-либо, но для этого различия нет названия; назовем его неопределенным глаголом, потому что оно одинаково подходит к чему угодно – к существующему и к несуществующему. Подобным же образом «был здоров» и «будет здоров» не глаголы, а изменения глагола по временам и отличаются от глагола тем, что глагол обозначает настоящее время, а они – время до и после настоящего.

Итак, глаголы, высказанные сами по себе, суть имена и что-то обозначают (ибо тот, кто говорит их, останавливает свою мысль, а тот, кто слушает, внимает им); однако они еще не указывают, есть ли [предмет] или нет, ибо «быть» или «не быть» не обозначения предмета, так же, когда скажешь «сущее» просто, само по себе, ибо само по себе оно ничего не значит и лишь указывает на некую связь, которую, однако, нельзя мыслить без составляемых.

Глава четвертая

[Высказывающая речь]

Речь есть такое смысловое звукосочетание, части которого в отдельности что-то обозначают как сказывание, но не как утверждение или отрицание; я имею в виду, например, что «человек» что-то, правда, обозначает, но не обозначает, есть ли он или нет; утверждение же или отрицание получается в том случае, если что-то присоединяют.

Отдельный же слог [слова] «человек» не означает что-либо, точно так же как «ышь» в [слове] «мышь» ничего не означает, а есть один только звук. В составных словах каждая часть хотя и обозначает что-то, но не сама по себе, как об этом было сказано раньше.

Всякая речь что-то обозначает, но не как естественное орудие, а, как было сказано, в силу соглашения.

Но не всякая речь есть высказывающая речь, а лишь та, в которой содержится истинность или ложность чего-либо; мольба, например, есть речь, но она не истинна и не ложна.

Итак, прочие [виды] речи оставлены здесь без внимания, ибо рассмотрение их более подобает искусству красноречия или стихотворному искусству; к настоящему исследованию относится высказывающая речь.

Глава пятая

[Утверждение и отрицание.

Простое и сложное предложение]

Первая единая высказывающая речь – это утверждение, затем – отрицание. Все остальные едины в силу связанности. Каждая высказывающая речь необходимо заключает в себе глагол или изменение глагола по времени, ведь и речь о человеке не есть высказывающая речь до тех пор, пока не присоединено «есть», или «был», или «будет», или нечто подобное. Поэтому «существо, живущее на суше, двуногое» есть речь единая, а не множественная, ведь речь едина не оттого, что слова произносятся непосредственно друг за другом. Но объяснять это – дело другого исследования. Высказывающая речь едина или когда она выражает одно, или в силу связанности. Множественны же высказывающие речи, когда выражают многое, а не одно или когда они не связаны между собой. Итак, имя или глагол назовем лишь сказыванием, ибо так не говорит тот, кто намерен выразить что-то словами, чтобы высказаться, все равно, вопрошает ли он или нет, а сам что-то сообщает. К речам же относится, во-первых, простое высказывание, например, когда что-то чему-то [приписывается] или что-то от чего-то [отнимается], а во-вторых, составленное из простых, например сложная речь.

Итак, простое высказывание есть звуко сочетание, обозначающее присущность или неприсущность чего-то с различием во времени.

Глава шестая

[Утверждение, отрицание, противоречие]

Утверждение есть высказывание чего-то о чем-то. Отрицание есть высказывание, [отнимающее] что-то от чего-то. Так как присущее может быть высказано как не присущее, а не присущее – как присущее, также и присущее – как присущее, а не присущее – как не присущее и это может относиться таким же образом ко времени помимо настоящего, то можно отрицать все, что кто-то утверждает, и утверждать все, что кто-то отрицает. Отсюда ясно, что всякому утверждению противолежит отрицание и всякому отрицанию – утверждение.

Назовем противолежащие друг другу утверждение и отрицание противоречием. Под противоречием же я разумею [утверждение и отрицание] одного и того же относительно одного и того же, и не в разных значениях, и все другое, что мы еще уточняем против нудных софистических рассуждений.

Глава седьмая

[Противоположные и противоречащие предложения]

Так как одни предметы – общие, а другие – единичные (общим я называю то, что может по природе сказываться о многом, а единичным – то, что не может этого; например, «человек» есть общее, а Каллий – единичное), то необходимо высказывать, присуще или не присуще что-то чему-то как общему или как единичному. Поэтому если об общем высказываются как об общем, что ему нечто присуще или не присуще, то эти высказывания будут противоположными друг другу. Говоря «высказываться об общем как об общем», я разумею, например, «каждый человек бледен – ни один человек не бледен». Когда же высказываются об общем, но не как об общем, такие высказывания не противоположны друг другу, хотя выраженное в них может иногда быть противоположным. Говоря «высказываться об общем не как об общем», я разумею, например, «человек бел – человек не бел»; в самом деле, хотя «человек» есть нечто общее, но в высказывании он не рассматривается как общее, ибо «каждый» означает не общее, а то, что о чем-то высказывают как об общем. Но неправильно об общем сказуемом сказывать как об общем, ибо ни одно утверждение не бывает истинным, в котором об общем сказуемом сказывают как об общем, например «каждый человек есть каждое живое существо».

Итак, я говорю, что утверждение противостоит отрицанию по противоречию, если одно обозначает нечто как общее, а другое – то же не как общее, например: «каждый человек бледен – не каждый человек бледен», «ни один человек не бледен – есть некий бледный человек». По противоположности противостоят друг другу утверждение общего и отрицание общего, например «каждый человек справедлив – ни один человек не справедлив». Вот почему противоположные [высказывания] не могут быть вместе истинными. Противостоящие же [по противоречию] [высказывания] об одном и том же могут иногда быть истинными, например: «не каждый человек бледен» и «есть некий бледный человек». Итак, из противоречащих друг другу [высказываний] об общем, взятых как общие, одно необходимо истинно, а другое ложно. Это относится и к единичным, [противоречащим друг другу] высказываниям, например: «Сократ бел» и «Сократ не бел». Если же высказывания об общем взяты не как общие, то не всегда одно истинно, а другое ложно, ибо в одно и то же время будет правильно говорить, что человек бледен и человек не бледен, что человек красив и человек не красив (ибо если он безобразен, он не красив, и если он становится красивым, он [еще] не красив). С первого взгляда это покажется нелепым, ибо представляется, что высказывание «человек не бледен» означает в то же время, что ни один человек не бледен; однако эти высказывания не означают одного и того же, и они не необходимо [истинны или ложны] в одно и то же время.

Очевидно также, что одному утверждению соответствует лишь одно отрицание, ибо отрицание должно отрицать именно то же, что утверждает утверждение, и именно относительно того же самого, все равно, единичное ли это или общее и взято ли оно как общее или не как общее. Я имею в виду, например, «Сократ бледен – Сократ не бледен». Если же отрицается относительно одного и того же нечто иное или одно и то же, но относительно чего-то иного, то отрицание не противостоит утверждению, оно будет отлично от него. Так вот, [высказыванию] «каждый человек бледен» противостоит [высказывание] «не каждый человек бледен»; [высказыванию] «некий человек бледен» – «ни один человек не бледен»; [высказыванию] «человек бледен» – «человек не бледен».

Итак, сказано, что одному утверждению противостоит по противоречию одно отрицание, и сказано, какие они, а также и то, что противоположные высказывания иные, и какие они, и что не всякое противоречие истинно или ложно, и почему это так, и когда оно истинно или ложно.

Глава восьмая

[Единство высказывания]

То утверждение или отрицание одно, которое обозначает одно относительно одного, все равно, общее ли оно или нет и относительно ли общего оно или нет; например, «каждый человек бледен – не каждый человек бледен»; «человек бледен – человек не бледен»; «ни один человек не бледен – некий человек бледен» – если только «бледное» имеет одно значение. Если же два предмета, которые не составляют одно, имеют одно имя, то утверждение не одно [и отрицание не одно]; например, если бы назвали человека и лошадь платьем, то [утверждение] «платье бело» не было бы одним, ибо это высказывание несколько но отличалось бы от [высказывания] «человек и лошадь белы», а это высказывание несколько не отличается от [высказываний] «человек бел» и «лошадь бела». Стало быть, если эти высказывания обозначают многое и если их больше одного, то ясно, что и первое высказывание обозначает или многое, или ничего не обозначает, ибо ни один человек не есть лошадь. Поэтому и в таких высказываниях не необходимо, чтобы один [член] противоречия был истинным, а другой – ложным.

Глава девятая

[Высказывания о будущем]

Итак, относительно того, что есть и что стало, утверждение или отрицание необходимо должно быть истинным или ложным, притом и относительно общего, взятого как общее, одно всегда истинно, а другое ложно, и точно так же относительно единичного, как было сказано; но это не необходимо относительно общего, если оно высказано не как общее; об этом также было сказано. Однако не так обстоит дело с единичным и с тем, что будет. Ибо если и здесь всякое утверждение и отрицание истинно или ложно, то необходимо, чтобы все было присуще или не присуще; так что если один говорит, что это будет, а другой это же самое отрицает, то ясно, что один из них необходимо говорит правду, если только всякое утверждение и отрицание истинно или ложно. Ибо в подобных случаях то и другое не будет присуще в одно и то же время: ведь если верно говорить, что нечто бело или что оно не бело, то оно необходимо бело или необходимо не бело; и если оно бело или не бело, то правильно было утверждать это или отрицать; если же это не так, то говорят неправду, и если говорят неправду, то это не так. Так что или утверждение, или отрицание необходимо должно быть истинным или ложным. Значит, [если это верно], то ничего не существует и не происходит случайно и как попало, и точно так же не будет ничего такого, что произойдет или не произойдет случайно, и все совершается по необходимости, а не как попало, ибо правду говорит или тот, кто утверждает, [что то-то и то-то произойдет], или тот, кто [это] отрицает: ведь иначе оно могло бы так же произойти, как и не произойти, ибо с тем, что происходит случайно, дело может или будет обстоять так ничуть не в большей мере, чем иначе. Далее, если нечто теперь бело, то правильно было раньше утверждать, что оно будет белым, так что всегда было правильно утверждать относительно всего ставшего, что оно есть или будет; если же всегда было правильно утверждать, что нечто есть или будет, то оно не может не быть или не стать в будущем. Но невозможно (*adynaton*), чтобы то, что не может (*hoion*) не возникнуть, не возникло, и то, что не может не возникнуть, необходимо возникает; стало быть, все, что будет, возникает необходимо; значит, ничего не будет случайно и как попало. Ибо если что-то будет случайно, то оно не будет по необходимости. Однако нельзя также сказать, что ни то ни другое неправильно: ни то, что что-то будет, ни то, что его не будет, ибо в таком случае, во-первых, если утверждение ложно, то отрицание не истинно, и если отрицание ложно, то выходит, что утверждение не истинно. Во-вторых, если правильно сказать, что нечто бело и велико, тогда и то и другое должно быть присуще; если [правильно сказать, что] это будет присуще завтра, то оно будет присуще завтра; если же [не должно быть] ни то, что нечто завтра будет, ни то, что завтра его не будет, то оно не может быть как попало, например морское сражение, ибо в таком случае морское сражение не должно было бы завтра ни произойти, ни не произойти.

Итак, это и другие такого рода нелепости получаются, если из двух противлежащих друг другу утверждения и отрицания, будут ли они общими высказываниями об общем или о единичном, одно необходимо должно быть истинным, а другое ложным, и если ничего не происходит как попало, а все существует и происходит по необходимости; так что не надо было бы в таком случае ни решать, ни стараться, полагая, что, если сделаем это, будет это, а если этого не сделаем, то этого не будет. Ведь ничто не мешает тому, чтобы кто-либо стал утверждать вперед на десять тысяч лет, что будет это, другой же – отрицать, а потому по необходимости будет так, что какое-нибудь из этих [предсказаний] было тогда правильным. Однако безразлично, выскажет ли кто-либо подобное противоречие или не выскажет, ибо ясно, что дело с чем-то обстоит так-то и так-то, хотя бы один не утверждал что-либо, а другой не отрицал. Ведь не потому, что утверждают или отрицают что-то, оно будет или не будет, и это верно относительно десяти тысяч лет не более, чем относительно любого времени. Так что если бы дело обстояло во всякое

время так, что одно из [противоречащих друг другу высказываний] истинно, то необходимо, чтобы произошло именно это; и со всем происшедшим дело всегда обстоит бы так, что оно произошло бы по необходимости. Ибо если кто-то правильно сказал, что это будет, то оно и не может не произойти; и о происшедшем всегда было истинно сказать, что оно будет.

Если же эти [выводы] несостоятельны (ибо мы видим, что будущие события имеют своим истоком и решения, и некоторую деятельность и что вообще у того, что деятельно не постоянно, возможность быть и не быть одинакова; у него возможно и то и другое, т. е. быть и не быть, а потому и произойти, и не произойти. И нам известно многое, с чем дело обстоит именно так; например, это платье может быть разрезано, но его не разрежут, а оно раньше изнашивается; равным образом оно может быть не разрезано, ибо оно не могло бы быть раньше изношено, если бы не было возможности не разрезать его. То же [следует сказать] и относительно всех других изготовлений, которые зависят от подобной возможности), то очевидно, что не все существует и происходит в силу необходимости, а кое-что зависит от случая и относительно его утверждение ничуть не более истинно, чем отрицание; а другое хотя и бывает скорее и большей частью так, чем иначе, однако может произойти и иначе, а не так.

Итак, сущее, когда оно есть, необходимо есть; точно так же и не-сущее, когда его нет, необходимо не есть; однако не все сущее необходимо есть, как и не все не-сущее необходимо не есть, ибо не одно и то же [сказать], что все сущее, когда оно есть, необходимо есть, или [сказать], что оно безусловно необходимо есть. Точно так же и относительно не-сущего. То же следует сказать о противоречии: все необходимо есть или не есть, а также будет или не будет; но нельзя утверждать отдельно, что то необходимо или другое необходимо. Я имею в виду, например, что завтра морское сражение необходимо будет или не будет, но это не значит, что завтра морское сражение необходимо будет или что оно необходимо не произойдет; необходимо только то, что оно произойдет или не произойдет. Поэтому так как речь о чем-то так же истинна, как и это нечто, то ясно, что если с ним дело обстоит так, что случайное и противоположное возможно, то так же дело необходимо обстоит и с противоречием. Это бывает именно с тем, что не всегда есть или не всегда не есть. В этом случае один член противоречия хотя и необходимо истинен или ложен, однако не [определенно] вот этот или вот этот, а как случится, и хотя один из них, [быть может], более истинен, чем другой, но не немедленно истинен или немедленно ложен. Отсюда ясно, что не необходимо, чтобы из всякого утверждения и отрицания, лежащих друг другу, одно было истинным, а другое ложным, ибо с тем, что не есть, но может быть и не быть, дело обстоит не так, как с тем, что есть, а так, как было сказано.

Глава десятая

[Составные части предложения]

Так как утверждение означает [сказывание] чего-то относительно чего-то, т. е. имени или не имеющего имени, а в каждом утверждении должно быть высказано нечто одно относительно одного (а что такое имя и не имеющее имени, сказано раньше, ибо «не-человека» я называю не именем, а неопределенным именем, ведь и неопределенное имя некоторым образом обозначает одно, точно так же как «не здоров» есть не глагол, а неопределенный глагол), то всякое утверждение и отрицание состоит или из имени и глагола, или из неопределенного имени и неопределенного глагола. Без глагола нет никакого утверждения или отрицания, ибо «есть», или «будет», или «было», или «становится» и все тому подобное суть (согласно установленному) глаголы, так как обозначают еще и время. Так что первые утверждение и отрицание следующие: «человек есть – человек не есть»; далее: «не-человек есть – не-человек не есть»; затем: «каждый человек есть – каждый человек не есть»; «каждый не-человек есть – каждый не-человек не есть». То же самое следует сказать и относительно времени помимо [настоящего]. Когда же «есть» присоединяется как третье, тогда противопоставления могут сказываться двояко. Я имею в виду, например, «человек есть справедливый»; [здесь] «есть», говорю я, составляет третью часть высказывания как имя или как глагол, ввиду чего получаются четыре высказывания, из которых два относятся последовательно к утверждению и отрицанию как лишенности, другие же два нет. Я имею в виду, например, что «есть» может примыкать или к «справедливому», или к «несправедливому», а потому и отрицание [будет присоединено двояко]. Таким образом, получится четыре [высказывания]. Сказанное мы уразумеем из сопоставлений: «человек есть справедливый»; отрицание этого – «человек не есть справедливый», «человек есть несправедливый»; отрицание этого – «человек не есть несправедливый». Здесь «есть» и «не есть» примыкают к «справедливому» и к «несправедливому». Эти высказывания расположены так, как было указано в «Аналитиках». Точно так же и в том случае, когда утверждение касательно имени общее; например, «каждый человек есть справедливый»; отрицание его – «не каждый человек есть справедливый»; «каждый человек есть несправедливый – не каждый человек есть несправедливый», только с той разницей, что [противолежщие] по диагонали высказывания не могут одинаково быть вместе истинными, хотя это иногда возможно. Итак, эти две [пары высказываний] противостоят друг другу. Две другие [пары высказываний] имеются, когда [«есть» и «не есть»] присоединяются к «не-человеку» как к подлежащему. [Например], «не-человек есть справедливый – не-человек не есть справедливый»; «не-человек есть несправедливый – не-человек не есть несправедливый». Кроме этих, нет больше противопоставлений, но эти последние [высказывания] стоят сами по себе, отдельно от тех, так как «не-человек» употребляют как имя. В [высказываниях], в которых «есть» не подходит, например в высказываниях [он] «здоровствует», [он] «ходит», взятое таким образом слово имеет такое же значение, как если бы было добавлено «есть»; например, «каждый человек здоровствует – каждый человек нездоров»; «каждый не-человек здоровствует – каждый не-человек нездоров». Ведь нельзя здесь сказать «не каждый человек»; «не», отрицание, следует присоединять к «человеку», ибо «каждый» означает здесь не общее, а то, что [о подлежащем сказываются] как об общем, что ясно из следующего: «человек здоровствует – человек нездоров»; «не-человек здоровствует – не-человек нездоров». Эти [высказывания] отличаются от предыдущих тем, что они не общие. Так что «каждый» или «ни один» ничего иного не означает, как только то, что утверждение или отрицание касательно имени общее; что до остального [в высказывании], то оно должно быть присоединено [без изменения].

Так как отрицание, противоположное [высказыванию] «каждое живое существо справедливо», означает, что «ни одно живое существо не справедливо», то ясно, что эти два [выска-

звания] никогда не могут быть вместе истинными и относиться к одному и тому же, но противоположные им [по противоречию] могут иногда быть такими; например, «не каждое живое существо справедливо» и «какое-то живое существо справедливо». Из [высказывания] же «каждый человек несправедлив» следует [высказывание] «ни один человек не справедлив», а из [высказывания] «какой-то человек справедлив» – противоположащее [высказывание] «не каждый человек несправедлив» (ибо в этом случае какой-то человек необходимо справедлив). Очевидно также, что если в единичных [высказываниях] правилен отрицательный ответ на вопрос, то правильно также и [соответствующее] утвердительное [высказывание]. Например: мудрец ли Сократ? Нет. Следовательно, Сократ есть немудрец. Но в общих [высказываниях] сказанное подобным образом не правильно, а правильно отрицание. Например: каждый ли человек мудрец? Нет. Следовательно, каждый человек немудрец; это, конечно, ложно; а истинно то, что не каждый человек мудрец. Это [высказывание] – противоположащее [по противоречию], а то – противоположное.

Противоположащие друг другу [по противоречию] [высказывания] касательно неопределенных имен и глаголов (например, о «не-человеке» и о «несправедливом») можно было бы считать как бы отрицанием без имени и глагола. Но это не так; отрицание всегда должно быть истинным или ложным; тот же, кто говорит «не-человек», если только он к этому ничего не добавляет, высказывает истинное или ложное столько же и даже меньше, чем тот, кто говорит «человек». А [высказывание] «каждый не-человек справедлив», так же как и противоположащее ему [по противоречию] «не каждый не-человек справедлив», не однозначно ни с одним из указанных выше [высказываний о человеке]. Но [высказывание] «каждый не-человек несправедлив» означает то же, что «ни один не-человек не справедлив».

Переставленные имя и глагол обозначают одно и то же, например: «есть бледный человек», «есть человек бледный». В самом деле, если бы это было не так, то для одного и того же было бы больше одного отрицания; но было ведь показано, что для одного [утверждения] есть одно отрицание, ибо для [высказывания] «есть бледный человек» отрицанием будет «не есть бледный человек». Если же [высказывание] «есть человек бледный» означает не то же, что «есть бледный человек», то отрицанием его должно было бы быть или «не есть не-человек бледный», или «не есть человек бледный». Но первое есть отрицание [высказывания] «есть не-человек бледный», а второе – [высказывания] «есть бледный человек», так что было бы два отрицания для одного утверждения. Таким образом, ясно, что при перестановке имени и глагола получается одно и то же утверждение и отрицание.

Глава одиннадцатая

[Соединение и разъединение сказуемых]

Утверждение или отрицание одного относительно многого или многого относительно одного не есть одно утверждение или отрицание, разве что когда многим выражено нечто одно. Я не называю одним то, что хотя и имеет одно имя, но составляющее его многое не есть одно; например, человек в равной степени есть и живое существо, и двуногое, и поддающееся воспитанию, но из всего этого получается нечто единое; из «белого» же, «человека» и «ходьбы» не получается единства, так что если кто-то утверждал бы о них одно, то получилось бы не одно утверждение, а одно, правда, звукосочетание, но много утверждений; и если бы утверждали их об одном, то точно так же получилось бы не одно, а много утверждений. Итак, если диалектический вопрос требует ответа – или [признания] посылки, или [признания] другого члена противоречия (ведь посылка есть один член противоречия), то не может быть один ответ на них, ибо и вопрос не один, даже если он правилен. Но об этом уже сказано в «Топике». В то же время ясно и то, что вопрос о сути вещи не есть диалектический вопрос, ибо в последнем [отвечающему] должна быть дана возможность выбора из вопроса того члена противоречия, относительно которого он желает утверждать. Но вопрошающий должен сверх того уточнить, [например], человек ли вот это или нет.

Так как из обособленных сказуемых одни, собранные вместе, утверждаются как одно целое высказывание, а другие нет, то в чем же здесь различие? Ведь о человеке правильно в отдельности сказать, что он живое существо, и в отдельности – что он двуногое, но то и другое можно утверждать как одно и точно так же можно сказать в отдельности «человек» и «бледное», но и то и другое – как одно. Однако если человек – кожевник и он хороший, то нельзя [это объединить и сказать] «хороший кожевник». Получится много нелепого, если считать, что по той причине, что каждое из двух [сказуемых] в отдельности истинно, и оба вместе должны быть истинными. Относительно человека истинно и то, что он человек, и то, что он бледен, а потому и оба вместо истинны. Далее, если он бледен, то и совокупное бледно, так что получится, что бледный человек бледен, и так до бесконечности. Далее, если взять «образованный», «бледный», «идуший», то и их можно сочетать многократно до бесконечности. Далее, если Сократ есть Сократ и человек, то, [соединив, получим], что Сократ есть человек Сократ, и если есть человек и двуногий, то получится, что есть двуногий человек.

Таким образом, ясно, что сказали бы много нелепого, если бы утверждали, что подобные сочетания возможны без оговорок. Теперь мы скажем, что следует здесь установить. Сказуемые и то, относительно чего они утверждаются, не составляют единства, если они сказываются привходящим образом или относительно одного и того же, или относительно друг друга. Например, человек бледен и образован, но «бледное» и «образованное» не составляют единства, ибо и то и другое есть привходящее для одного и того же. И даже если правильно назвать бледное образованным, то все же «образованное бледное» не составит единства, ибо образованное есть бледное привходящим образом, так что «образованное бледное» не составит единства. Поэтому и кожевник хорош не без оговорок, зато он двуногое живое существо без оговорок, ибо он [таков] не привходящим образом. Далее, не [составляют единства] и те [сказуемые], одно из которых подразумевает другое; поэтому нельзя повторять неоднократно «бледное» или сказать о человеке, что он человек живое существо или что он двуногий человек, ибо «человек» подразумевает «живое существо» и «двуногое». Об отдельном же человеке так говорить правильно, и притом без оговорок, например: этот определенный человек есть человек, или этот определенный бледный человек есть бледный человек. Однако не всегда: когда в прибавленном содержится нечто противоположащее, из чего следует противоречие, высказывание не истинно, а ложно; например, если назвать умершего человека человеком; если же [противоре-

чие] не содержится, то высказывание истинно. Или, вернее, когда [противоречие] содержится, высказывание всегда не истинно, а когда не содержится, оно не всегда истинно; например, Гомер есть что-то, скажем поэт; значит ли, что он есть или же его нет? Ведь «есть» сказывается здесь о Гомере привходящим образом, а именно: «есть» сказывается здесь о Гомере потому, что он есть поэт, а не само по себе. Так что в тех высказываниях, в которых не содержатся противоположности, если имена заменяют определениями, и которые сказываются сами по себе, а не привходящим образом, будет и без оговорок правильно утверждать о том, что нечто есть. Что касается не-сущего, то, поскольку оно есть предмет мнения, неправильно утверждать, что оно нечто сущее, ибо мнение о нем имеется не потому, что оно есть, а потому, что его нет.

Глава двенадцатая

[Возможное, могущее быть, необходимое]

Разъяснив это, следует теперь рассмотреть, в каком отношении друг к другу находятся отрицания и утверждения о могущем быть и не могущем быть, о возможном и невозможном, а также рассмотреть немогущее и необходимое, ибо здесь имеются некоторые затруднения. А именно, если в связной речи противостоят друг другу противоречия, которые расставлены в соответствии с [глаголами] «быть» и «не быть» (например, отрицанием [высказывания] «есть человек» будет «не есть человек», а не «есть не-человек», и отрицанием [высказывания] «есть бледный человек» – «не есть бледный человек», а не «есть не бледный человек», ибо если относительно всего правильно утверждение или отрицание, то правильно будет сказать о куске дерева, что он есть не бледный человек); если это так, то и в тех высказываниях, в которых «быть» не прибавляется, то же самое выполняет то, что сказано вместо «быть» (например, отрицанием [высказывания] «человек идет» будет не [высказывание] «не-человек идет», а «человек не идет», ибо нет никакой разницы, сказать ли «человек идет» или «человек есть идущий»). Поэтому если это везде так, то и отрицанием [выражения] «могущее быть» будет «могущее не быть», а не «не могущее быть». Однако полагают, что одно и то же может и быть, и не быть, ибо все, что может быть разрезано или что может ходить, может и не ходить, и не быть разрезанным; основание же этого – то, что все могущее в таком смысле не всегда осуществляется, так что ему присуще и отрицание, ибо то, что способно к хождению, может и не ходить, и можно не видеть то, что доступно зрению. Но не могут быть истинными противостоящие друг другу высказывания об одном и том же. Стало быть, отрицанием [выражения] «могущее быть» не будет «могущее не быть». Ибо из сказанного следует или что можно в одно и то же время утверждать и отрицать одно и то же относительно одного и того же, или же что утверждения и отрицания получаются не прибавлением [к «могущему» глаголов] «быть» и «не быть». Поэтому если первое невозможно, то нужно выбрать второе; стало быть, отрицанием [выражения] «могущее быть» будет «не могущее быть», а не «могущее не быть». То же самое можно сказать и о «возможно быть», а именно: его отрицанием также будет «не возможно быть», и сходным образом обстоит дело и с другим, [подобным этому], например с необходимым и немогущим. Ибо так же как в тех [выражениях] «быть» и «не быть» составляют прибавления, а подлежащие суть в одном случае бледное, а в другом – человек, так и здесь «быть» и «не быть» составляют как бы подлежащее, а «мочь» и «быть возможным» – прибавления, которые, так же как в тех высказываниях «быть» и «не быть» указывали истинное и ложное, указывают здесь то же самое относительно «могущего быть» и «не могущего быть». Итак, отрицание [выражения] «могущее не быть» есть не [выражение] «могущее быть», а «не могущее не быть», а отрицание [выражения] «могущее быть» – не [выражение] «могущее не быть», а «не могущее быть». Поэтому может казаться, что «могущее быть» и «могущее не быть» следуют одно из другого, ведь одно и то же может быть и не быть; в таком случае «могущее быть» и «могущее не быть» не противоречат друг другу; но «могущее быть» и «не могущее быть» никогда не могут относительно одного и того же быть истинными в одно и то же время, ибо они противостоят друг другу. Так же и «могущее не быть» и «не могущее не быть» никогда не могут относительно одного и того же быть истинными в одно и то же время. Равным образом и отрицание [выражения] «необходимо быть» есть не [выражение] «необходимо не быть», а «не необходимо быть»; отрицание же [выражения] «необходимо не быть» – «не необходимо не быть». И отрицание [выражения] «не-могущее быть» есть не [выражение] «немогущее не быть», а «не немогущее быть»; отрицание же [выражения] «немогущее не быть» – «не немогущее не быть». И вообще, как сказано, «быть» и «не быть» должно полагать как подлежащие, а эти [выражения], образующие утверждение и отрицание, должно соединять с [глаголами]

«быть» и «не быть». И вот какие [выражения] следует считать противоположащими друг другу: «могущее – не могущее»; «возможное – не возможное»; «немогущее – не немогущее»; «необходимое – не необходимое»; «истинное – не истинное».

Глава тринадцатая

[Отношение между утвердительными и отрицательными высказываниями о возможном, могущем быть и необходимом]

Следование получается, если расположить [указанное выше] соответственно таким образом: из «могущего быть» следует «возможно быть», как и из «возможно быть» – «могущее быть», равно как и «не немогущее быть» и «не необходимо быть»; далее, из «могущего не быть» и «возможно не быть» следует «не необходимо не быть» и «не немогущее не быть»; из «не могущего быть» и «не возможно быть» – «необходимо не быть» и «немогущее быть», а из «не могущего не быть» и «не возможно не быть» – «необходимо быть» и «немогущее не быть». Сказанное можно наглядно представить себе из следующего перечня:

могущее быть – не могущее быть
возможно быть – не возможно быть
не немогущее быть – немогущее быть
не необходимо быть – необходимо не быть
могущее не быть – не могущее не быть
возможно не быть – не возможно не быть
не немогущее не быть – немогущее не быть
не необходимо не быть – необходимо быть.

Итак, немогущее хотя и следует по противоречию из возможного и могущего [быть], но в обратном порядке, и точно так же не немогущее – из не возможного и не могущего [быть], ибо из «могущего быть» следует отрицание «немогущего», а из отрицания – утверждение, ибо из «не могущего быть» следует «немогущее быть», ведь «немогущее быть» есть утверждение, а «не немогущее быть» – отрицание. А как дело обстоит с необходимым – это следует рассмотреть. Ясно, конечно, что не таким же образом; здесь противоположные [высказывания] следуют одно из другого, противоречия же стоят раздельно, ибо «не необходимо быть» не есть отрицание [выражения] «необходимо не быть», ведь и то и другое может быть истинно относительно одного и того же, ибо то, что необходимо не есть, не необходимо есть. Причина же того, что у необходимого следование не такое, как у других, состоит в том, что немогущее означает то же, что необходимое, когда оно дано противоположным ему образом; в самом деле, немогущее быть не значит необходимо быть, а значит необходимо не быть; немогущее не быть значит необходимо быть. Итак, если в предыдущих случаях следование из «могущего быть» и «не могущего быть» было сходным, то здесь наоборот, так как необходимое и немогущее означают, как сказано, одно и то же только в обратном порядке. Или, быть может, так нельзя установить противоречие необходимому? Ведь необходимое есть [и] могущее быть, ибо если бы это было не так, то следовало бы отрицание: ведь необходимо или утверждать, или отрицать; так что если нечто есть не могущее быть, то оно немогущее быть; получилось бы, что «необходимо быть» означает «немогущее быть», а это нелепо. Но из «могущего быть» следует «не немогущее быть», а из этого – «не необходимо быть», так что получилось бы, что «необходимо быть» значит «не необходимо быть», а это нелепо. Однако «необходимо быть» и «необходимо не быть» не следуют из «могущего быть», ибо «могущее быть» допускает и «не немогущее быть», и «не необходимо быть», но если одно из них истинно, то «необходимо быть» и «необходимо не быть» уже не будут истинными, ведь «могущее быть» и «могущее не быть» совместимы; если же чему-то необходимо быть или [необходимо] не быть, то для него то и другое не будет возможно. Таким образом, остается сказать, что из «могущего быть» следует «не необходимо не быть», ведь это истинно и в отношении «необходимо быть». И «не необходимо не быть»

противоречит тому, что следует из «не могущего быть», ибо из последнего следует «немогущее быть» и «необходимо не быть»; отрицанием последнего будет «не необходимо не быть». Таким образом, эти противоречия следуют одно из другого указанным выше способом, и если их расположить так, то не получится ничего несообразного.

Может возникнуть сомнение, следует ли «могущее быть» из «необходимо быть». Ведь если оно не следует, то следовало бы противоречие – «не могущее быть», а если отрицать, что это противоречие, то придется назвать таковым «могущее не быть»; но и то и другое ложно в отношении «необходимо быть». С другой стороны, однако, одно и то же, кажется, может быть разрезано и не разрезано, быть и не быть, так что «необходимо быть» означало бы «возможно не быть», а это ложно. Таким образом, очевидно, что не все могущее или быть, или ходить в то же время способно и к противолежащему – в некоторых случаях это неверно, прежде всего в тех, где возможность [или способность] не основывается на разуме, как, например, огонь способен нагревать, а эта способность не основывается на разуме. Но одни и те же возможности, [или способности], основывающиеся на разуме, допускают большее, чем одно, и противоположности; не основывающиеся на разуме не всегда: ведь огонь, как сказано, не может нагревать и не нагревать, так же и все остальное, что действует постоянно. Однако некоторые вещи со способностями, не основывающимися на разуме, могут в одно и то же время принимать противолежащие друг другу [свойства]. Но это сказано вот ради чего: не всякая возможность [или способность] допускает противолежащие друг другу [вещи], даже те, что относятся к одному и тому же виду.

Некоторые же возможности одноименны, ибо «могущее» не однозначно; об одном говорят как о могущем потому, что оно истинно как существующее в действительности; например, говорят, что кто-то может ходить, потому что он ходит, и вообще нечто может, потому что уже существует в действительности то, о чем говорят, что оно может. О другом говорят как о могущем, [или способном], потому что оно могло бы быть деятельным, например, что кто-то способен ходить, потому что мог бы пойти. Эта способность встречается лишь в том, что движется, а первая – и в неподвижном. Но и о том, и о другом правильно сказать, что оно не немогущее ходить или быть, – и о том, что уже действительно ходит, и о том, что может ходить. Последний вид могущего неправильно приписывать безусловно необходимому, первый же – правильно, ибо, подобно тому как общее следует из частного, так и из необходимо сущего следует могущее быть, однако не всякое. И быть может, необходимое и не необходимое суть начало бытия или небытия всего, а остальное должно рассматривать как следствия из них.

Таким образом, из сказанного очевидно, что необходимо сущее имеется в действительности; так что если вечное первее, то и действительность первее возможности. И одно есть действительность без возможности, например первые сущности, другое же – действительность вместе с возможностью, оно по своей природе первее, а по времени оно последующее; наконец, бывает и такое, что никогда не есть действительность, а есть только возможность.

Глава четырнадцатая

[Противоположные друг другу высказывания]

[Спрашивается], противоположно ли утверждение отрицанию или утверждение утверждению же? Далее, противоположно ли положение, гласящее, что «каждый человек справедлив», положению «ни один человек не справедлив» или [положение] «каждый человек справедлив» – [положению] «каждый человек несправедлив»? Например, Каллий есть справедливый – Каллий не есть справедливый – Каллий есть несправедливый: которое из двух [последних] положений противоположно [первому]? Ведь если то, что в звуко сочетаниях, следует тому, что в мышлении, а в мышлении имеется о противоположном противоположное мнение, например мнение, что каждый человек справедлив, противоположно мнению, что каждый человек несправедлив, то необходимо, чтобы так же обстояло дело и в утверждениях, выраженных в звуко сочетаниях. Если же в мышлении противоположное мнение не есть мнение о противоположном, то противоположным утверждению будет не утверждение, а указанное отрицание. Так что нужно исследовать, какое правильное мнение противоположно ложному – мнение об отрицании или же то, что мнится противоположным. Я имею в виду следующее. Мнение о благе, что оно есть благо, истинно; другое же, что оно не есть благо, ложно; третье же – что оно есть зло. Которое из этих двух последних мнений противоположно истинному? И если они одно, то на котором из них основывается противоположность? Неверно думать, что противоположные мнения определяются тем, что они мнения о противоположностях, ибо мнение о благе, что оно благо, и о зле, что оно зло, суть, пожалуй, одно и то же мнение, и притом истинное, все равно, будут ли они больше одного или одно, хотя благо и зло противоположны. Мнения противоположны друг другу не потому, что они мнения о противоположностях, а скорее потому, что они [относятся друг к другу] противоположным образом. Следовательно, если есть одно мнение о благе, что оно благо, а другое – что оно не благо, и если есть еще нечто иное, что не присуще [благу] и не может быть [ему] присуще, то ни одно из других мнений не следует принимать [за противоположное правильному] – ни то, которое считает неприсущее присущим, ни то, которое считает присущее неприсущим (ведь мнения того и другого вида – и те, которые считают неприсущее присущим, и те, которые считают присущее неприсущим, – бесчисленны), а противоположными следует считать те, которые содержат ошибку, а таковы те, которые зависят от того или иного возникновения, ибо всякое возникновение – из противоположащего; стало быть, отсюда и ошибки. Таким образом, если благо есть и благо, и не зло, притом первое оно есть само по себе, а второе – привходящим образом (ибо для блага привходяще то, что оно не зло), а о каждой вещи более истинно мнение о ней, какова она сама по себе, то и более ложно мнение, [касающееся вещи самой по себе], если только и истинное [касается вещи самой по себе]. Стало быть, мнение о благе, что оно не есть благо, есть ложное мнение о том, что присуще само по себе, а мнение о том, что оно есть зло, есть ложное мнение о привходящем. Поэтому мнение, отрицающее благо, более ложно, чем мнение о противоположном ему. Но больше всего ошибается в отношении каждой вещи тот, кто имеет мнение, противоположное [истинному], ибо противоположности в пределах одного и того же [рода] больше всего отличаются одна от другой. Поэтому если одно из двух мнений противоположно [истинному], а еще более противоположно мнение, противоречащее [ему], то ясно, что именно последнее есть противоположное мнение. Мнение же о том, что благо есть зло, есть составное мнение, ибо необходимо, пожалуй, в то же время предполагать, что благо не есть благо. Далее, если и в других случаях дело должно обстоять таким же образом, то и здесь, надо полагать, сказано надлежащим образом, а именно что мнение о противоречии [есть мнение о противоположном] везде или нигде. О том же, чему нет противоположного, ложно мнение, противоре-

жащее истинному; например, тот, кто человека считает не человеком, ошибается. Стало быть, если эти два мнения противоположны друг другу, то также и другие мнения о противоречии.

Далее, одинаково относятся между собой мнения о благе, что оно благо, и о не-благе, что оно не есть благо, и кроме них [точно так же] мнение о благе, что оно не благо, и о не-благе, что оно благо. Итак, если мнение о не-благе, что оно не есть благо, истинно, то какое мнение противоположно ему? Ведь не то, согласно которому оно зло, ибо оно вместе с ним может быть истинным, а истинное никогда не противоположно истинному, ибо какое-то не-благо есть зло, так что оба мнения могут быть вместе истинными; но и мнение, что не-благо не есть зло, не противоположно [мнению, что оно не есть благо], ибо и оно [может быть] истинным, ведь и они могут быть вместе истинными. Остается, таким образом, [допустить], что мнению о не-благе, что оно не есть благо, противоположно мнение о не-благе, что оно есть благо, ибо это мнение ложно. Так что и мнение о благе, что оно не есть благо, противоположно мнению о благе, что оно благо. Очевидно также, что нет никакой разницы, если мы полагаем утверждение общим, ибо ему противоположно общее отрицание, например мнению о том, что всякое благо есть благо, противоположно мнение, что никакое благо не есть благо. Ибо мнение о благе, что оно благо, если благо берется как общее, тождественно тому, согласно которому то, что есть благо, есть благо, а это ничем не отличается от мнения, что всякое, какое бы оно ни было, благо есть благо, и одинаковым образом относительно не-блага.

Итак, если с мнением дело обстоит так и если содержащиеся в звуко сочетаниях утверждения и отрицания суть знаки находящихся в душе [мнений], то ясно, что [общему] утверждению противоположно общее отрицание относительно того же самого; например, [утверждению], что всякое благо есть благо или что каждый человек хорош, противоположно то, что никакое благо не есть благо или что ни один человек не хорош, и по противоречию – что не всякое благо есть благо или что не каждый человек хорош. Очевидно также, что ни истинные мнения не могут быть противоположными друг другу, ни истинные высказывания, ибо противоположны [мнения или высказывания] о противолежащих друг другу [вещах], а относительно истинных один и тот же человек может [в одно и то же время] говорить истину, между тем противоположности не могут в одно и то же время быть присущи одному и тому же.

Первая аналитика

Книга первая

Глава первая

[Предмет и цель всего сочинения. Определение важнейших терминов]

Прежде всего следует сказать, о чем исследование и дело какой оно [науки]: оно о доказательстве, и это дело доказывающей науки. Далее следует определить, что такое посылка, термин, силлогизм, а также какой силлогизм совершенный и какой – несовершенный; затем, что значит: одно целиком содержится или не содержится в другом – и что значит: что-то сказывается обо всем или не сказывается ни об одном.

Посылка есть речь, утверждающая или отрицающая что-то относительно чего-то. Она бывает или общей, или частной, или неопределенной. Общей я называю [посылку] о присущем всем или не присущем ни одному, частной – о присущем или не присущем некоторым или присущем не всем, неопределенной – о присущем или не присущем без указания того, общая ли она или частная, как, например, противоположности изучаются одной и той же наукой или удовольствие не есть благо. Отличается же доказывающая посылка от диалектической тем, что доказывающая есть принятие одного из членов противоречия (ибо тот, кто доказывает, не спрашивает [о нем], а принимает [его]), диалектическая же есть вопрос относительно [того или другого члена] противоречия. Однако в образовании силлогизма они ничем не отличаются друг от друга, ибо и тот, кто доказывает, и тот, кто спрашивает, [одинаково] умозаключают, принимая, что нечто чему-то присуще или не присуще, так что силлогистическая посылка есть вообще утверждение или отрицание чего-то относительно чего-то по указанному способу; и доказывающей она будет, если она истинна и получена из первых [положений]; диалектическая же посылка – это для выводывающего вопрос относительно [того или другого члена] противоречия, а для умозаключающего – принятие того, что кажется, и того, что правдоподобно, как об этом сказано в «Топике». В дальнейшем будет подробно сказано, что такое посылка и чем отличаются друг от друга посылки силлогистическая, доказывающая и диалектическая; а пока достаточно и того, что определено сейчас.

Термином я называю то, на что распадается посылка, т. е. то, что сказывается, и то, о чем оно сказывается, с присоединением [глагола] «быть» или «не быть»; силлогизм же есть речь, в которой если нечто предположено, то с необходимостью вытекает нечто отличное от положенного в силу того, что положенное есть. Под [выражением] «в силу того, что положенное есть» я разумею, что это отличное вытекает благодаря этому, а под [выражением] «вытекает благодаря этому» – что для возникновения необходимости не требуется постороннего термина. Совершенным я называю силлогизм, который для выявления необходимости не нуждается ни в чем другом, кроме того, что принято, несовершенным же – силлогизм, который нуждается [для этого] в чем-то одном или многом, что хотя и необходимо через данные термины, но через [данные] посылки не получено. «Одно целиком содержится в другом» означает то же, что «другое сказывается обо всем первом». А «[одно] сказывается обо всем [другом]» мы говорим, когда не может быть найдено что-либо из того, что принадлежит подлежащему, о чем другое не высказывалось бы. И точно так же, когда говорим «не сказывается ни об одном».

Глава вторая

[Обращение посылок]

Всякая же посылка есть посылка или о том, что присуще, или о том, что необходимо присуще, или о том, что возможно присуще; и из них в соответствии с каждым способом сказывания (*prosrēsis*) одни утвердительные, другие отрицательные; и далее, из утвердительных и отрицательных одни – общие, другие – частные, третьи – неопределенные. Посылка о присущем, если она общеотрицательная, необходимо обратима в отношении своих терминов; например, если никакое удовольствие не есть благо, то и никакое благо не есть удовольствие. [Обще]утвердительная же посылка хотя и необходимо обратима, однако не в общую, а в частную; например, если всякое удовольствие есть благо, то какое-нибудь благо есть удовольствие; из частных посылок утвердительная необходимо обратима в частную же (ибо если какое-нибудь удовольствие есть благо, то и какое-нибудь благо будет удовольствием), отрицательная же необходимо не обратима, ибо если некоторым живым существам не присуще быть человеком, то [отсюда не следует, что] какому-то человеку не присуще быть живым существом.

Итак, пусть сперва посылка АБ будет общеотрицательной. Если А не присуще ни одному Б, то и Б не будет присуще ни одному А. Ибо если бы Б было присуще какому-то [А], например В, то было бы неправильно, что А не присуще ни одному Б, так как В есть какое-то Б. Если же А присуще всем Б, то и Б будет присуще некоторым А, ибо если Б не было бы присуще ни одному А, то и А не было бы присуще ни одному Б; но ведь было предположено, что А присуще всем Б. Точно так же, если посылка частная. В самом деле, если А присуще некоторым Б, то и Б необходимо присуще некоторым А. Если Б не было бы присуще ни одному А, то и А не было бы присуще ни одному Б. Наконец, если А некоторым Б не присуще, то не необходимо, чтобы и Б не было присуще некоторым А, как, например, если Б есть живое существо, а А – человек: ведь не всякому живому существу присуще быть человеком, однако всякому человеку присуще быть живым существом.

Глава третья

[Обращение посылок о необходимо присущем и возможно присущем]

Точно так же будет обстоит дело с посылками о необходимо присущем, ибо общеотрицательная посылка обратима в общую же, тогда как из утвердительных посылок общая и частная обратимы в частную. В самом деле, если А необходимо не присуще ни одному Б, то и Б необходимо не присуще ни одному А. Если же Б возможно присуще некоторым А, то и А возможно присуще некоторым Б. Если же А необходимо присуще всем или некоторым Б, то и Б необходимо присуще некоторым А. Ибо если бы оно не было необходимо присуще, то и А не было бы необходимо присуще некоторым Б. Частноотрицательная же посылка необратима по той же самой причине, о которой было сказано раньше.

Что касается посылок о возможно присущем, то, так как о возможном говорится в различных значениях (ибо возможным мы называем и то, что необходимо, и то, что не необходимо, и то, что [собственно] возможно), во всех утвердительных посылках с обращением дело будет обстоит точно так же. Действительно, если А возможно присуще всем или некоторым Б, то и Б возможно присуще некоторым А, ибо если [Б] – ни одному [А], то и А – ни одному Б; это было уже показано раньше. В отрицательных же посылках дело обстоит не так: там, где под возможным разумеют или необходимо быть присущим, или не необходимо не быть присущим, – там дело обстоит точно так же. Например, если бы кто-нибудь сказал, что человек

возможно не есть лошадь или что белое возможно не присуще никакой одежде. Ибо первое необходимо не присуще, второе же присуще не необходимо, и посылка обратима точно так же, [как и прежде], ибо если ни один человек возможно не есть лошадь, то и ни одна лошадь возможно не есть человек; равным образом, если белое возможно не присуще никакой одежде, то и одежда возможно не присуща ничему белому, ибо если одежда была бы необходимо присуща чему-то белому, то и белое необходимо было бы присуще некоторой одежде. И это также было показано раньше. Равным образом обстоит дело и с частноотрицательной посылкой.

Если же говорится о возможном (согласно нашему определению возможного) как об обычном и свойственном природе вещей, то с обращением отрицательных посылок дело будет обстоит не так: общеотрицательная посылка необратима, частноотрицательная же – обратима. Это станет очевидным, когда мы будем говорить о возможном, теперь же помимо сказанного для нас должно быть ясно, что [положение] «нечто возможно ничему или чему-то не присуще» имеет утвердительную форму, ибо «возможно» употребляется подобно «есть»; когда «есть» употребляется в высказывании, оно всегда и непременно делает речь утвердительной; например: «это есть не благо», или «это есть небелое», или вообще «это есть не то». И это также будет показано в дальнейшем. Что касается обращения, то дело будет здесь обстоит так же, как и в других [утвердительных] посылках.

Глава четвертая

[Силлогизмы по первой фигуре]

После того как мы дали эти определения, мы укажем теперь, посредством чего, когда и каким образом получается всякий силлогизм; затем следует говорить о доказательстве. О силлогизме следует говорить раньше, чем о доказательстве, потому что силлогизм есть нечто более общее: ведь доказательство есть некоторого рода силлогизм, но не всякий силлогизм – доказательство.

Итак, если три термина так относятся между собой, что последний термин целиком содержится в среднем, а средний целиком содержится в первом или вовсе не содержится в нем, то для этих крайних терминов необходимо имеется совершенный силлогизм. Средним термином я называю тот, который сам содержится в одном, в то время как в нем самом содержится другой, и который по положению оказывается средним. Крайними же я называю и тот, который содержится в другом, и тот, в котором содержится другой. В самом деле, если А сказывается обо всех В, а Б – обо всех В, то А необходимо сказывается обо всех В. А что мы подразумеваем под «сказывается обо всех» – об этом уже было сказано. Точно так же если А не сказывается ни об одном В, а Б сказывается обо всех В, то А не будет присуще ни одному В. Если же первый термин сопутствует всему среднему, а средний не присущ ни одному последнему, то крайние термины не составят заключения, ибо при таком [отношении терминов] ничего с необходимостью не вытекает, ведь первый термин может быть присущ и всем или не присущ ни одному последнему, так что ни частное, ни общее заключение не возникает здесь с необходимостью. А если из этих терминов ничего с необходимостью не вытекает, то нет и силлогизма. Пусть терминами для случая, [когда первый термин] присущ всему [последнему], будут: живое существо – человек – лошадь; для случая, [когда он ему] вовсе не присущ: живое существо – человек – камень. Не получится силлогизма и тогда, когда ни первый не присущ среднему, ни средний не присущ ни одному последнему. Для случая, [когда первый термин] присущ всему [последнему], терминами пусть будут: знание – линия – врачебное искусство; для случая, [когда он ему] не присущ: знание – линия – единица. Итак, если термины взяты в общих посылках, то ясно, когда по этой фигуре может быть построен силлогизм и когда нет; и если силлогизм получается, то термины необходимо должны находиться друг к другу в указанном отношении; и если термины находятся друг к другу в таком отношении, то силлогизм получится.

Если же один из [крайних] терминов взят в общей посылке, а другой – в частной, то, когда общее, все равно, в утвердительной или в отрицательной посылке, относится к большему крайнему, а частное, в утвердительной посылке, – к меньшему крайнему, с необходимостью получится совершенный силлогизм. Когда же общее относится к меньшему крайнему или оба термина находятся в каком-либо другом отношении, силлогизм невозможен. Большим крайним термином я называю тот, в котором содержится средний термин, меньшим же – тот, который подчинен среднему. Пусть А будет присуще всем В, а В – некоторым В; в таком случае если [выражение] «сказываться обо всех» понимать в указанном раньше смысле, то А будет необходимо присуще некоторым В. Если же А не присуще ни одному В, а В присуще некоторым В, то А необходимо не присуще некоторым В, ведь [выражение] «но сказываться ни об одном» также было определено; так что [и здесь] получится совершенный силлогизм. Точно так же, если посылка БВ неопределенная и утвердительная. Ведь силлогизм здесь будет одним и тем же – берется ли БВ как неопределенное или как частное. Если же общее относится к меньшему крайнему термину, все равно, в утвердительной или в отрицательной посылке, то силлогизма не будет, все равно, будет ли неопределенная или частная посылка утвердительной или отрицательной, например, если А присуще или не присуще некоторым В, а В присуще всем В. Пусть терминами для случая, [когда первый термин] присущ [последнему], будут: благо – состояние – благоразумие; для случая же, [когда он ему] не присущ: благо – состояние – невежество. Далее, если В не присуще ни одному В, между тем как А присуще или не присуще некоторым В или присуще не всем В, то таким образом также не получится силлогизма. Пусть терминами будут: белое – лошадь – лебедь; белое – лошадь – ворон. Те же термины можно взять, если АВ – посылка неопределенная. Точно так же не получится силлогизма и тогда, когда больший крайний термин оказывается в общей посылке, все равно, в утвердительной или в отрицательной, а меньший крайний – в частноотрицательной, например, если А присуще всем В, а В не присуще некоторым В или присуще не всем В, ибо, чему средний термин не присущ, тому первый больший может и сопутствовать всем и не сопутствовать ничему. Пусть терминами будут приняты: живое существо – человек – белое; затем из белого, о чем не сказывается «человек», возьмем лебедя и снег. Таким образом, [термин] «живое существо» сказывается о каждом лебеде и не сказывается ни о каком снеге, и силлогизма, следовательно, не получится. С другой стороны, пусть А не присуще ни одному В, а В не присуще некоторым В; терминами же пусть будут: неодушевленное – человек – белое; далее из белого, о чем не сказывается «человек», возьмем лебедя и снег; тогда неодушевленное сказывается о всяком снеге и не сказывается ни о каком лебеде. Так как [положение] «В не присуще некоторым В» неопределенно, оно ведь истинно и когда В не присуще ни одному В, и когда оно присуще не всем В (потому что оно какому-то В не присуще), то, если эти термины взяты таким образом, что В не присуще ни одному В, силлогизма не получится (об этом уже было сказано раньше). Стало быть, очевидно, что при таком отношении терминов не получится силлогизма, иначе силлогизм получился бы и тогда, когда В ни одному В не присуще. Подобным же образом это можно доказать и для того случая, когда общее взято в отрицательной посылке. Никким образом не получится силлогизма и тогда, когда обе посылки частные, все равно, утвердительные они или отрицательные, или одна утвердительная, а другая отрицательная, или одна неопределенная, а другая определенная, или обе неопределенные. Терминами, общими для всех этих случаев, пусть будут: живое существо – белое – лошадь; живое существо – белое – камень.

Таким образом, из сказанного очевидно, что для того, чтобы получить по этой фигуре частное заключение, термины необходимо должны находиться друг к другу в указанном отношении. При другом же отношении терминов силлогизма никоим образом не получится. Ясно также, что все силлогизмы по этой фигуре совершенные, ибо все они осуществляются через первоначально принятое; ясно также и то, что все положения доказываются посредством этой

фигуры, ибо в ней доказывается, что нечто и всему присуще, и ничему не присуще, и чему-то присуще, и чему-то не присуще. Такую фигуру я называю первой.

Глава пятая

[Силлогизмы по второй фигуре]

Если же одно и то же одному всему присуще, а другому вовсе не присуще или и тому и другому всему присуще или вовсе не присуще, то такую фигуру я называю второй. Средним термином в этой фигуре я называю тот, который сказывается об обоих крайних, крайними же терминами – те, о которых высказывается средний: большим крайним – тот, который находится ближе к среднему, меньшим крайним – тот, который находится дальше от среднего. Средний же термин стоит вне крайних и по положению – первый. Совершенным силлогизм по этой фигуре не может быть никоим образом. Но силлогизм здесь возможен, все равно, взяты ли термины в общих или не в общих посылках. Если же термины взяты в общих посылках, то силлогизм получится, когда средний термин одному из крайних всему присущ, а другому вовсе не присущ, все равно, к какому из крайних относится отрицание. Иначе силлогизма никак не получится. Пусть М не сказывается ни об одном Н, но сказывается обо всех О; так как отрицательная посылка обратима, то и Н не будет присуще ни одному М; но было предположено, что М присуще всем О, а потому Н не присуще ни одному О, как это и было показано раньше. Далее, если М присуще всем Н и не присуще ни одному О, то и О не будет присуще ни одному Н, ибо если М не присуще ни одному О, то и О не присуще ни одному М; но было предположено, что М присуще всем Н, следовательно, О не будет присуще ни одному Н, и снова получается первая фигура. А так как отрицательная посылка обратима, то и Н не будет присуще ни одному О, и поэтому снова получится тот же силлогизм. Это можно доказать и посредством приведения к невозможному. Очевидно, что при таком отношении терминов силлогизм, правда, получится, однако несовершенный, ибо необходимость [следования] устанавливается здесь полностью на основании не только первоначально взятого, но и чего-то другого. Если же М сказывается о всех Н и всех О, то силлогизма не получится. Терминами для случая, [когда первый термин] присущ [последнему], пусть будут: сущность – живое существо – человек; для случая, [когда он ему] не присущ: сущность – живое существо – число. Средний термин – сущность. Не получится силлогизма и тогда, когда М не сказывается ни об одном Н и ни об одном О. Терминами для случая, [когда первый термин] присущ [последнему], пусть будут: линия – живое существо – человек; для случая, [когда он ему] не присущ: линия – живое существо – камень. Таким образом, очевидно, что если при терминах, взятых в общих посылках, получается силлогизм, то для этого необходимо, чтобы они находились друг к другу в таком отношении, какое мы указали вначале, ибо при другом их отношении необходимость не возникает.

Если же средний термин по отношению к одному из крайних, а именно к большему, взят в общей посылке, все равно, в утвердительной или в отрицательной, а к меньшему термину – в частной посылке, противоположащей общей (под противоположащей я понимаю, что если общая посылка отрицательная, то частная утвердительная; если же общая утвердительная, то частная отрицательная), то с необходимостью получится силлогизм с частноотрицательным заключением. В самом деле, если М не присуще ни одному Н, но присуще некоторым О, то Н необходимо не присуще некоторым О. А так как отрицательная посылка обратима, то и Н не будет присуще ни одному М; но ведь было предположено, что М присуще некоторым О, так что Н не будет присуще некоторым О, и получается силлогизм через первую фигуру. Далее, если М присуще всем Н, а некоторым О не присуще, то Н необходимо не присуще некоторым О; в самом деле, если бы оно было присуще всем О, то, поскольку М сказывается обо всех Н, М необходимо было бы присуще всем О. Предположено же было, что оно некоторым О не присуще. И если М присуще всем Н, но не всем О, то получится силлогизм о том, что Н присуще

не всем О. Доказательство будет то же самое. Если же М сказывается обо всех О, но не обо всех Н, то силлогизма не получится. Термины: живое существо – сущность – ворон; живое существо – белое – ворон. Также не получится силлогизма, когда М не сказывается ни об одном О, но сказывается о некоторых Н. Пусть терминами для случая, [когда первый термин] присущ [последнему], будут: живое существо – сущность – единица, а для случая, [когда он ему] не присущ: живое существо – сущность – знание.

Таким образом, сказано, когда силлогизм получится и когда нет в тех случаях, если общая посылка противостоит частной. Если же посылки однородны, т. е. если обе или отрицательны или утвердительны, силлогизма никоим образом не получится. В самом деле, предположим сперва, что обе посылки отрицательные и что общее относится к большему крайнему термину, например пусть М будет не присуще ни одному Н и не присуще некоторым О. Тогда Н возможно и присуще всем О и не присуще ни одному О. Терминами для случая, [когда первый термин последнему] не присущ, пусть будут: черное – снег – живое существо; термины же для случая, [когда он] всему [ему] присущ, найти нельзя, если М некоторым О присуще, а некоторым не присуще. Ибо если бы Н было присуще всем О, а М не присуще ни одному Н, то М не было бы присуще ни одному О, но ведь было предположено, что оно некоторым О присуще. Таким образом, действительно невозможно найти термины, а доказать это следует от неопределенного. А именно, так как правильно, что М не присуще некоторым О и в том случае, если оно не присуще ни одному О, а когда оно не присуще ни одному О, силлогизм не получился, то очевидно, что силлогизма не получится и в этом случае. Далее, пусть будут утвердительными обе посылки, и пусть общее займет такое же положение, например М присуще всем Н и некоторым О. Тогда Н возможно и присуще всем О и не присуще ни одному О. Терминами для случая, когда Н не присуще ни одному О, пусть будут: белое – лебедь – камень, а для случая, когда Н присуще всем О, термины нельзя найти по той же причине, что и раньше, а доказать это следует от неопределенного. Если же общее относится к меньшему крайнему термину и М не присуще ни одному О и не присуще некоторым Н, то Н возможно и присуще всем О и не присуще ни одному О. Терминами для случая, [когда первый термин] присущ [последнему], пусть будут: белое – живое существо – ворон, а для случая, [когда он ему] не присущ: белое – камень – ворон. Если же посылки утвердительные, то для случая, [когда первый термин последнему] не присущ, терминами пусть будут: белое – живое существо – снег, а для случая, [когда он ему] присущ: белое – живое существо – лебедь. Таким образом, очевидно, что силлогизма никоим образом не получится, если посылки однородны и при этом одна из них общая, а другая частная. Но силлогизма не получится и в том случае, если [средний термин] части каждого из обоих крайних присущ или не присущ, или части одного присущ, а части другого нет, или ни одному, ни другому не присущ вовсе, или присущ неопределенно. Общими же терминами для всех этих случаев пусть будут: белое – живое существо – человек; белое – живое существо – неодушевленное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.